

ДЮЧЬ
МАСОК
И
НОЖЕЙ

18+

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ USA TODAY

Л. ДЖ. ЭНДРЮС

Разрушенное королевство

Л. Дж. Эндрюс

Ночь масок и ножей

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)6-44

Эндрюс Л.

Ночь масок и ножей / Л. Эндрюс — «Эксмо»,
2022 — (Разрушенное королевство)

ISBN 978-5-04-197877-8

Малин искала Кейза, мальчика, которого полюбила в детстве, с тех самых пор, как он пропал на ежегодном маскараде много лет назад. Ради своей цели девушка готова прибегнуть к необычной способности красть воспоминания. Малин раскрывает темную тайну маскарада? и тогда ее брата похищают. Единственный шанс спасти его – заручиться поддержкой безжалостного Повелителя теней. Но он очень напоминает Малин юношу из прошлого. Однако Кейз больше не тот, кого она знала. Ныне он стал главарем группы беспринципных воров. Забытые с годами чувства возвращаются. Причина исчезновения Кейза раскрывается, а способности Малин усиливаются. Когда из-за предательства влюбленные оказываются в ловушке иллюзий и магии, девушке предстоит спасти жизнь брата, навсегда отказавшись от юноши, что сумел однажды украсть ее сердце...

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)6-44

ISBN 978-5-04-197877-8

© Эндрюс Л., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Часть первая	6
Прошлое	6
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	28
Глава 6	34
Глава 7	39
Глава 8	46
Глава 9	50
Глава 10	54
Глава 11	58
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Л. Дж. Эндрюс

Ночь масок и ножей

Посвящается Скотти Линн. Ты была здесь совсем недолго, но билась до самого конца. Как настоящий Крив.

L.J. Andrews

NIGHT OF MASKS AND KNIVES

Copyright © 2022 by LJ Andrews

All rights reserved. Опубликовано в согласии с автором и его литературными агентами, Donald Maass Literary Agency (USA) через Агентство Александра Корженевского

© Кузьменко Е., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ГЛОССАРИЙ: РОДЫ АЛЬВЕРОВ

РОД ГИПНОТИКОВ:

Мастера иллюзий, черпают силу в сознательных мыслях

РОД ПРОФЕТИКОВ:

Мастера чувств, черпают силу в зрении, вкусе и звуке

РОД МЕДИЦКИХ:

Мастера исцеления, черпают силу в природном исцелении

РОД РИФТЕРОВ:

Мастера ломания костей, черпают силу в реакции на боль

РОД ЭЛИКСИРЩИКОВ:

Мастера алхимии, черпают силу в крови

РОД АНОМАЛЬЩИКОВ:

Мастера неизведанного, черпают силу в эмоциях, порой сочетают качества разных родов

Часть первая

Прошлое

Ее первый брат называл их бастардами.

Ее отчим никак их не называл, предпочитая забывать об их существовании.

Ее второй брат называл их пронырами. Он играл с ними в долгие прятки на сеновале и в загонах для свиней, где девочка и мальчик работали от рассвета до заката.

Когда день угасал и звезды начинали ярко сиять, второй брат укладывал их спать на том же сеновале, попутно мечтая с ними о новых днях и новых играх.

Пока своды крыши освещались простой свечой, девочка рассказывала мальчику истории о севере, юге и о далеких просторах запада.

– Ты сохранишь мой секрет? – шептала она.

– Если ты сохранишь мой, – отвечал он.

– Обещаю. – Она протягивала вперед мизинец, похожий на маленький рыболовный крючок, и ждала, пока мальчик подцепит его своим. После этого они укрывались сеном и тихо смеялись.

В те ночи бедный мальчик и забытая девочка вслух мечтали о новой жизни далеко за морем, а также о добрых королях и магии богов. В этих историях их никто не преследовал, там им не было страшно.

В этих историях герои никогда не умирали, а боли не существовало.

В эти ночи девочка говорила мальчику, что он был доблестным и надежным, как ворон, а он говорил ей, что она хорошенькая, как роза. Именно поэтому однажды мальчик вырезал из дерева ворона и розу. Птицу он повесил на ее шею, а цветок – на свою, после чего сказал, что всегда будет хранить ее секреты. Всегда.

Там, под звездами, дети могли быть детьми, а первая любовь могла быть безопасной, доброй и желанной.

Но эти истории были сказками. В тех великих приключениях, повестях о любви и далеких королевствах никто и никогда не говорил мальчику и девочке, чем все заканчивается на самом деле.

Никто не говорил, что они потеряют доброго брата.

Никто не намекал, что храбрые маленькие мальчики вырастут и станут убийцами.

Или что милые маленькие девочки когда-нибудь превратятся в самых пронырливых из воров.

Глава 1

Воровка памяти

Этот гад провел меня.

В проулках между речными домами Хоб расплескивал грязь, уворачиваясь от утренних разносчиков и портовых, тащащихся к фьорду. Он успел обогнуть угол последней лачуги, поэтому я побежала за ним быстрее, скользя сапогами по мокрой от дождя мостовой.

Я прижимала ладонь к щеке, которую он порезал чертовой заточкой, упорно считающейся ножом. От запаха моей крови сморщился уже не один нос.

У крови вообще резкий запах, но здесь другое дело. Месмер, который некоторые называли мистикой или магией, имел крайне неприятный запах. А от моей крови несло еще хуже.

– Хоб! – крикнула я. Я поняла, что он услышал меня, потому что издал один из своих тонких всхлипов, прежде чем протиснул свое тощее, как у пугала, тело через разбитое окно старого сарая для бочек.

Я метнулась по узкому переулку, но врезалась в башню из клеток с перепелками. Флаконы, заполненные похжей на пепел пылью, вывалились из моей сумки. Вместе с выдохом у меня вырвалось проклятье, после которого я принялась подбирать потерянное, игнорируя торговца перепелками, требовавшего заплатить за сломанные клетки.

Снова вскочив на ноги и закинув сумку на плечо, я перепрыгнула через деревянный забор и спряталась в закутке между торговцем рыбой и огромным загоном для коз.

От камней эхом отразились гулкие шаги огромных ботинок. Мои пальцы, прижатые к телу, дрогнули. Свистящее дыхание из его прокуренных легких становилось все громче, и в тот момент, когда показалось его долговязое тело, я прыгнула на него.

Несмотря на то что я была тощей, а Хоб на голову выше и на несколько лет старше, он все же свернулся, как мокрый кусок пергамента.

– Малин! Вот ты где, – сказал он, вздрогнув. Своим дрожащим большим пальцем Хоб стер часть крови с моей щеки. – Тебе стоит прикрыть запах. Скидгарды в патруле, и, пекло, я бы ой как не хотел, чтобы молодую альверку нашли здесь. Совсем одну.

Я схватила Хоба за воротник куртки и потащила его за лавку рыботорговца. Проблема для альвера, носителя месмера, состояла в том, что большинство из нас продавали и заставляли заключать контракт с Лордом Магнатом Иваром – человеком, который был ценителем альверов

и чья власть вызывала больше всего страха и больше всего почитания во всех четырех регионах Востока.

Правил Ивар из Черного Дворца в сотне лиг отсюда, и в мои планы не входило стать его новым блестящим украшением.

Прижав Хоба спиной к стене, я протянула руку.

– Дай его мне.

Издав нервный смешок, разносчик потянулся к своему кожаному кошельку и вынул оттуда стеклянный флакон.

– Без обид, Малин. Ты же меня знаешь, я всегда в поиске возможностей. Покупатели есть, а раз у тебя их так много, я решил: ну подумаешь, один пропадет. Лишь один, и все.

Когда флакон снова оказался у меня, я дала ему пощечину.

Хоб опустил на корточки и прижал руку к красному следу на щеке.

– Черт возьми...

Я не дала ему договорить, приставив нож, который прятала в сапоге, к основанию его мокрой от пота шеи. Пусть Хоб и выглядел слабым, но у него была одна противная черта. Он дрожал, но все равно улыбнулся, как будто он расцветал от опасности и сделок с головорезами.

– Я ранена, Хоб, – сказала я. – Одно дело, если ты у меня крадешь, но другое, когда ты пытаешься сдать меня скидгардам Ивара. Я думала, у нас с тобой взаимопонимание. Ты роешься для меня в мусоре, а я разбираюсь с твоими долгами в игорном доме.

– Так и есть, – поспешно сказал он. – У нас есть это взаимопонимание. Просто я, как ты знаешь, торгую всяким, поэтому не смог удержаться. Но я бы отдал тебе половину денег. А порез был случайностью. Клянусь жизнью жены.

– Ах, Хоб, серьезно? – Я постучала кончиком ножа по его подбородку, ухмыляясь. – Я была бы тронута, вот только жены у тебя нет.

– Если бы была. Я имел в виду, если бы была.

Ну и крыса. Я убрала нож, и Хоб привалился к стене. Он следил за тем, как флакон возвращается в мою сумку. Эти флаконы – мои валюта и позор. Это моя сила. Дюжины желанных воспоминаний. Каждый помечен знаком, напоминающим мне, чью память я украла. Женщина с палочкой, украшенной перьями. Мужчина в маске стрекозы. Капитан с золотым зубом. Хоб забрал тот, что называется «кровоавое дельце», за неимением лучшего описания.

– Ты выбрал хорошее, – сказала я ему. – Довольно жестокое. Чтобы посмотреть такое, какой-нибудь извращенец хорошо заплатит.

Когда Хоб собрался усесться на ящик с компостом, я снова дала ему пощечину.

– Третье пекло! Это еще за что? – Он сорвал с головы вязаную шапку и прижал ткань к своему прыщавому лицу.

Мои пальцы впились в его сальные пряди и потянули в сторону, запрокидывая голову так, чтобы он глядел прямо на меня.

– Кому ты планировал его продать, Хоб? Для всех, кроме меня, это лишь костяная пыль.

А точнее, один мизинец, истолченный в тонкую пудру. Все, что нужно, – это несколько моих слов, после которых месмер открывал последний вздох, последние мгновения умерших. Я видела каждое воспоминание в своей сумке и оттого стала еще более сломленной.

Вырвав мою руку из своих волос, Хоб потянулся за сигаркой в карман и следом зажег ту одним касанием ладони. Глубоко затянувшись, он выдохнул коричневое облако дыма.

– Не может быть, что ты одна такая. Подумал, должны быть и еще.

Если когда-то он найдет альвера, подобного мне, я бы хотела об этом узнать. У меня были вопросы.

Задняя дверь магазина распахнулась, и здоровенный рыботорговец швырнул в проулок ведро селедочных голов. Нас он удостоил лишь взглядом. Без сомнений, перед ним было то

еще зрелище: костлявая женщина с ножом и мужчина у ее ног. Рыботорговец принялся, смахнул пыль со своей крысиной бородки, а затем снова захлопнул перед нами дверь.

Значит, в конце концов, не такая и необычная картина для трущоб.

Лишь когда дверь заперли на засов, я снова повернулась к Хобу.

– Хорошо, что у тебя есть то, что мне нужно, – прошептала я. – Иначе я бы с радостью поиграла в ошеломленную дамочку, а ты был бы жестоким вором.

Впервые в глазах Хоба мелькнуло что-то, похожее на страх.

– Тебя же убьют.

– Ох, Хоб. Не притворяйся, что тебе есть дело до кого-либо, кроме самого себя.

– Ну ладно. Что ты мне за это дашь?

– Судя по тому, что ты решился красть у меня, я бы сказала, что то, что ты до сих пор дышишь, – вполне себе оплата. – Он не знал, что мой месмер не может его убить, но то, как Хоб порой обходил меня стороной, будто я могу вспыхнуть пламенем, было мне только на руку.

Чтобы выжить здесь, вора и мошенникам нужно быть умными. Даже жестокими. Я просто сделала себя умнее. Я стала более жестокой.

Да, я жила на холме. Да, у моего отчима было больше денег, чем он мог потратить, но что мне до этого, если я – всего-навсего забытая незамужняя девушка, нежеланная обуза для мужчины, который взял себе женщину с маленькой дочерью.

Женщину, которая умерла, прежде чем я научилась ходить.

Я осталась с мужчиной, который меня презирал, и двумя старшими братьями. Один хотел бы перерезать мне горло забавы ради. Второй меня действительно любил, но угодил на два года в морскую тюрьму, после того как коммерческая сделка в далеком королевстве пошла не по плану.

Я прищурилась.

– У нас с тобой еще возникнут проблемы, Хоб?

– Ни малейших. – Хоб развел руки в стороны и злодейски ухмыльнулся. – Ну, как пожелаешь. Будь по-твоему.

Я закатила глаза.

– Лучше бы оно того стоило.

Прежде чем он смог ответить, я прижалась к его губам своими.

Поцелуй, как это ни странно, – самый быстрый способ украсть дыхание.

Так же, как последние мгновения добывались из костей трупа, живую память можно было достать только через живое дыхание.

На вкус Хоб был как его кислые травы и пот, и он, как всегда, всю наслаждался, пока я вдыхала его память. Я ткнула его локтем в ребра, когда он попытался просунуть свой язык ко мне в рот.

Он смеялся, пока я не отстранилась, неспособная более вдыхать.

В голове возник знакомый дым. Я сосредоточилась на нем, игнорируя то, как Хоб ухмылялся, будто ему досталась лучшая половина сделки. Белый, пепельный и черный цвета свивались в выпуклые формы, резкие линии и узкие точки. Формы переходили в движения, в голоса из уже ушедших моментов.

Воспоминание Хоба привело меня на берег, я сидела на корточках за толстым дубом. Голубой лунный свет мерцал на стекле моря Воя. Меньше чем в пятнадцати лигах отсюда в порту пришвартовался драккар. На одном борту корабля была золотая эмблема в виде ленты, свернутой вокруг жуткой улыбающейся маски.

Мой желудок сжался.

– Теперь видишь? – спросил Хоб, его голос звучал приглушенно, словно он говорил со мной под водой.

Члены экипажа драккара прорезались через дым, разгружая ящики и мешки. Даже из своего укрытия я чувала специи, сахар, из которого выдуют тонкие леденцы, и сладкие вишневые ликеры.

Сквозь дымку проступил мужчина, укутанный в темно-синий плащ.

Завитки дыма свивались в пепельные нити над его головой, обрамляя гладкое золотое лицо его маски, с которой свисали полосы изумрудного бархата и серебряные колокольчики. Маска шута. Обманщика.

Он был казначеем Маск ав Аска, Маскарада Аски.

Довольно неплохое воспоминание, такое стоит забрать, но вот на лице второго мужчины была жесткая усмешка, которую я знала слишком хорошо.

– Боги, – пробормотала я.

Глаза Хоба засияли, когда он раскурил еще одну сигарку.

– Говорил же, оно того стоит. Я знаю, как отыскивать секреты, девочка.

– Мой отчим... – оставшиеся слова превратились в выдох.

– Охраняет припасы для треклятого маскарада. – Хоб хохотнул и шлепнул себя по костлявой ноге. – Погляди, какие у тебя связи. Скажи-ка, Малин. Каково это: жить в свином дерьме, в то время как твой дај имеет достаточно влияния, чтобы ему доверили казну для праздника этого года? – Затем Хоб ткнул травяной сигаркой мне в лицо. – Ты наняла меня, чтобы я разыскал что-то о Маскараде Аске. Если ты станешь обчищать карманы такого человека, как казначей, такого, как Йенс Штром... – Хоб сделал длинную затяжку, задержав дыхание, а потом выдохнул дым вместе со словами: – Можешь сразу сама себе горло перерезать.

Все боги. Мой отчим в этот год был вовлечен в маскарад, а это дело нешуточное.

Фестиваль был самым ожидаемым событием, которое проводилось в Черном Дворце. Народ из всех регионов, окружающих Вой, прибывал, чтобы увидеть, как выступают гадалки и альверы Черного Дворца. Они приезжали выпить, поесть, посмотреть на трюки и иллюзии. Сыграть в игру королей, где убогие селяне пытаются надеть скучное стеклянное кольцо.

Всем нравилось примерять кольцо, которое никогда никому не подходило.

Находясь под усиленной охраной, они будут играть, выгибая и выкручивая себе пальцы, отчаянно пытаясь его натянуть. Потом, когда ничего не получится, они пойдут дальше по своим пьяным делам, рассказывая затейливые истории о потерянном наследнике престола. Они станут восхвалять наш клочок земли за то, что он достаточно силен, чтобы процветать без короля или королевы.

Потому что тот, кому стеклянное кольцо придется впору, наденет корону.

По правде, Ивар этого никогда не допустит. Он, вне всяких сомнений, перережет глотку любому, кто даже близко подойдет. Игра – это обманка. Способ вытянуть побольше монет пенге из пьяного народа и заставить их тонуть и дальше в веселье Маск ав Аска.

Но в веселье таилось и нечто более зловещее.

Народ приходил на маскарад, но некоторые так и не возвращались.

На ум без спросу пришли испуганные крики мальчика и призрачные образы толпы, отделяющей меня от него. Затем эти крики стали затихать, пока совсем не умолкли. Как и всегда, думая о дне, когда потеряла Кейза, я стала наматывать на пальцы несколько прядей своих закатно-рыжих волос, пока все внутри меня не успокаивалось.

– Э, Малин. – Хоб хлопнул меня по руке, вытягивая из бесконечных мыслей, от которых я не могла убежать. – Если ты хотела подобраться поближе к маскараду, а не к самому казначею, то вон идут те, кто тебе нужен.

Я проследила за его взглядом до обшарпанной городской площади. Мою грудь сдавило тисками, когда народ стал собираться плотными рядами при приближающихся звуках сыромятных¹ барабанов. Возможно, судьба все же мне благоволила.

Из-за угла показался караван Черного Дворца. Пестрые ленты и кушаки отмечали повозки и возниц. На двери каждого фургона поблескивали маски, раскрашенные серебром и золотом.

Я запрыгнула на перевернутую бочку, без спроса воспользовавшись плечами Хоба в качестве опоры, а затем вскарабкалась на влажную крышу рыбной лавки. Двигаясь осторожно, я поползла вверх по скату на животе, чтобы посмотреть на площадь.

Спустя десять ударов сердца Хоб втащил свое долговязое тело на крышу и расположился рядом со мной, сбивчиво дыша.

– А что мы теперь высматриваем?

– Я смотрю туда, – я указала на отполированную черную карету, подъезжающую к высокому рунному столбу. Столб там стоял, дабы мы могли считать наш паршивый городишко Мерплаттс официально охраняемым богами.

Если так люди чувствуют, что мы для богов имеем хотя бы какое-то значение, то пусть получают свои руны.

Мое сердце замерло в груди, когда из кареты вышел мужчина. Совсем как на казначее Маск ав Аска, на нем была маска шута с черными бархатными складками, свисающими сверху. Однако эта маска была сделана из перламутрового фарфора. На лбу в шахматном порядке красовались оттиски из серебра и бронзы.

Небеса – Мастер Церемоний. Злодей, стоящий за скверной Маскарада Аски. Он отвечал за каждый угол, каждую каплю развлечений, за всех, кто пропадал на маскараде.

– Черт, это будет интересно, – сказал Хоб с кривой ухмылкой. – Может, твой *daǰ* связан еще и с мастером.

Я потом подумаю, как Йенс Штром был связан с маскарадом, а сейчас мне нужно было слушать.

Мастер подошел к рунному столбу, сопровождаемый двумя альверами Черного Дворца в мерцающих серебряных плащах. Цвет месмера рифтеров. Коварная магия, способная ломать тела. Имело некоторый смысл, что властный мужчина будет окружен именно этим родом.

– Добрые люди! – прокричал Мастер. Его голос звучал глубоким, низким рыком, несомненно измененным каким-то видом месмера гипнотиков – иллюзионистов нашего королевства. – Сегодня начинается съезд гостей на Маск ав Аска.

Раздалось несколько вялых хлопков. Я закатила глаза. Не то чтобы у кого-то из жалких жителей Мерплаттса имелось достаточно пенге, чтобы посетить маскарад. Попасть туда для кого-то вроде меня не всегда было легко. Вот я и использовала Хоба, чтобы разузнать все, что только можно, об участниках маскарада, дабы понять, что случилось с Кейзом столько лет назад.

Мастер повернулся к рунному столбу, и один из его рифтеров прибил к его верхушке тонкий лист пергамента.

– Возможно, вы недоумеваете, почему я прибыл объявить о маскараде этого года. – Бормотание, пробегающее по толпе, вполне доказывало, что народ действительно не понимал, почему такой человек снизошел до этих трущоб. Мастер поднял свои затянутые в перчатки руки, заставляя толпу снова умолкнуть. – Лорд Магнат Ивар счастлив объявить о некоторых изменениях, что произойдут в Маск ав Аска. Первый сын Черного Дворца, наш Наследный Магнат Ниалл, ищет невесту.

¹ Сыромятная кожа – кожаный материал древнейшего способа выделки.

Бормотание сменил взволнованный гул. На что хоть одной женщине сдался такой мужчина? Если Ивар был жестоким, то Наследный Магнат Ниалл был порождением ада.

Мастер позволил болтовне продолжаться еще несколько мгновений, после чего заставил народ замолчать.

– Невеста наследника – это гордая традиция нашего края, и стать ею может любая, простолюдинка или аристократка – неважно.

Теперь гул перерос в несколько пронзительных взвизгов, когда девушки вцепились в своих матерей, а старые девы улыбнулись впервые за много лет. Все были в восторге от шанса кружиться и скакать перед самыми жестокими дураками Маскарада Аски.

– А, вот что вас волнует, дэнникс Штром, – сказал Хоб. – Такова мечта большинства женщин, наверное, – похитить руку Наследного Магната. Лично я не понимаю, отчего столько шума.

Я и не сознавала, что улыбалась вместе со всеми глупыми девчонками на улицах внизу.

– Если бы Наследный Магнат лежал на дороге, истекая кровью, я бы прошла мимо, не задерживаясь, Хоб. – Я стукнула его в плечо, отчего он поморщился, а затем соскользнула обратно по скату крыши. Когда мои ноги коснулись земли, я подождала Хоба. – Ты разве не понимаешь? Я могу беспрепятственно пройти прямо через ворота Маск ав Аска. Я вернусь туда, где все началось.

Хоб выгнул бровь.

– Где что началось?

Я отогнала эту мысль. Я даже не знала, как начать объяснять все глубины этой одержимости такому человеку, как он.

– Зачем ты это делаешь? Почему бы тебе просто не оставить маскарад в покое? – несколько раздраженно спросил Хоб. – Для альверов вроде тебя это не что иное, как смертный приговор.

Я вновь накинула капюшон куртки на голову, затем бросила медную монетку пенге к его ногам.

– На Маск ав Аска есть такие же секреты, как и в воспоминаниях, Хоб. А девушке секреты ой как нужны.

Я оставила его с дополнительной медной монеткой и исчезла в утренней суматохе.

Наконец-то я вновь попаду на маскарад, где скид-гарды не будут обыскивать простой народ в поисках тех, кому там не место.

Я снова отыщу Кейза.

И уж точно первым я убью того, кто забрал его.

Глава 2

Воровка памяти

Поместье Штормов состояло из выстроенного из дерева и глины длинного дома и нескольких коттеджей, разбросанных среди деревьев. Там были сады с нежными бутонами и чертополох с полуночно-пурпурными цветками. Фонтан перед домом был сделан из потускневшего железа и выкован в форме ворона Хугинна. Позади стоял каменный фонтан в виде Муннина.

Это было большое поместье; домочадцы Штрома управляли им с большой гордостью.

Идеальное место, где невидимая падчерица могла бы прятаться и сбежать в разные земли; где мальчик не пропал, а единственный брат, который любил ее, не был заперт в морской тюрьме.

Я вскарабкалась по лестнице на сеновал, совершенно выбившись из сил и не вполне понимая, как воспринимать воспоминание Хоба и как его использовать.

Мой отчим был не из тех людей, кто стал бы что-то рассказывать, уж точно не мне. Если я стану приставать с вопросами о пенге, мне придется признать, что я пользовалась своим месмером – а он мне строго-настрого это запретил, как только я начала понимать слова. Какова его роль в Маскараде Аски в этот год? Мог ли он знать, что случилось с мальчиком, который когда-то здесь жил?

Десять проклятых лет, в которые я вновь и вновь ошибалась, ни разу не приблизившись к тому, чтобы узнать судьбу Кейза.

Внутренности налились тяжестью. В голове мелькнула мысль – та, которую я позволяла себе допускать только в моменты, когда я, изможденная, оставалась в одиночестве на сеновале. Что, если Кейз мертв?

Я закрыла глаза, которые тут же начало жечь. Черт побери. Я терла лицо, пока боль не отступила. В Клок-гласе не было места хнычущим слабакам, впадающим в отчаяние.

Я повернулась к открытому люку в крыше, глядя на мягкое свечение главного дома. Там, перед входом, стоял ряд узких кабриолетов² и оседланных лошадей. Мой сводный брат, Бард, должно быть, устроил одну из своих гулянок, которые организовывались лишь для того, чтобы

² Кабриолет – в изначальном значении легкая конная повозка со складывающейся крышей, в которую запрягалась одна лошадь.

он почувствовал себя значительнее, чем есть на самом деле, и для того, чтобы его друзья предавались разврату до зари.

Меня удивило, что он не притащился на своих пьяных ногах в конюшню, требуя, чтобы я прислуживала его однокашникам, которых он приволок сюда из высшей академии по ту сторону Воя.

Эти приятели постоянно пытались заглянуть мне под тунику. При последней попытке я разбила губу одному купеческому сынку, и меня изгнали из дома на две недели. Если они не распускали руки, то донимали меня вопросами, пытаюсь установить, альверка я или нет. Мне еще предстояло узнать, что случится, если они обнаружат, что вообще все в Доме Штроров – альверы.

Даже их собутыльник.

Я захлопнула люк и заперла его. Один лишь вид Барда заставлял меня еще сильнее скушать по второму брату, Хагену. По правде сказать, я немного разозлилась, когда Хаген уехал и угодил за решетку. Я не знала причины ареста, но злилась тем больше, чем дольше его не было.

С тяжелым вздохом я плюхнулась на спину и устала в потолок. Чертово жжение никак не уходило из глаз.

По соломе в стойлах внизу прошаркали сапоги. Медленными движениями я подползла к краю сеновала и выглянула туда.

Мои губы тронула улыбка:

– Элоф. Опять ведешь ночной образ жизни?

Загадочный конюший поднял на меня свои ярко-синие глаза. Синие – неточное слово. Из этих глаз лучами били все цвета моря. Насыщенная зелень. Золото солнца. Ярчайшая синева. А еще под всеми этими оттенками была темная тень. Словно глубокая морская пещера.

Элоф почти улыбнулся. Еле уловимое движение в уголке его рта подсказало, что он хотел это сделать, но решил, что лучше не стоит.

– Как и всегда, дэнниск.

Повернувшись к стойлу, он погладил одну из кобыл, а затем положил несколько пучков сена в кормушку. Возможно, мне должно было быть стыдно оттого, как жарко становилось в груди при виде того, как работают его подтянутые, гладкие мускулы.

Но у меня в жизни было так мало радостей, что я не могла заставить себя этого стыдиться.

Он был странным работником: трудился лишь время от времени и часто приходил уже после захода солнца. Я не знала, как он уговорил моего отчима на такой график.

Если что и можно было сказать о Йенсе Штроре – он не использовал крепостных. Многие аристократы это делали, но Йенс платил своей прислуге. Здесь они были свободны.

Когда Элоф только появился, при первом же взгляде на него я лишилась дара речи.

Не потому что он был поразительно красив, а скорее потому, что его лицо было точно вырвано из моего воображения.

Лицо одного из многих чужестранных принцев, что я создала в сказках, которыми делилась с Кейзом, когда мы были маленькими. Принц Фелл. Принц с яркими глазами и художественным телом, из-за которого враги часто его недооценивали.

Ах, но принц Фелл был умен. Ему вновь и вновь удавалось перехитрить своих врагов, пока в конце своей истории Фелл не возглавил королевство и не спас прекрасную деву, томившуюся в темном мире.

У Элофа были яркие глаза, но более дикий вид, чем у принца Фелла. Его темные волосы были обвязаны бечевкой и собраны в пучок воина, а на подбородке клочками росла неровная борода, которая, казалось, менялась всякий раз, как я его видела. И все равно: под этой грубой внешностью был Фелл.

Я бы узнала принца из своих фантазий где угодно. Еще девочкой я вылепила его лицо по образцу мальчика, который спал рядом со мной на сеновале. Другие глаза, но, если бы я

наделила принца Фелла глазами золотыми, как рассвет, Кейз бы понял, кто вдохновил меня на сказку.

Когда я видела Элофа, мне иногда нравилось воображать, что выросший Кейз был бы немного похож на него.

– Ты знаешь, как меня зовут, Элоф? – прошептала я, когда он задул один из фонарей.

Мой пульс сбился с ритма, когда он бросил взгляд этих острых глаз в мою сторону. Впервые глядя на меня так, как будто видел.

– Я знаю. Дэнниск.

Я испустила долгий вздох. Даже для одного из слуг я была не больше чем пиявка, присосавшаяся к фамилии Штром. Он не станет обращаться ко мне по имени. Без сомнений, Элоф предпочел бы, чтобы я помалкивала и оставила его в покое.

– Ну хорошо, что знаешь, – сказала я, отворачиваясь.

– Вам не стоит так поздно бывать в городе.

Боги. Это, наверное, первый раз, как этот чертов мужчина стал поддерживать разговор. Я оглянулась через плечо. Элоф уперся обеими руками на конец рукояти вила, глаза прищурены, челюсть подрагивает.

Он... меня отчитывал?

Я фыркнула:

– Я учла твоё беспокойство.

– Я про беспокойство не говорил.

Голос у этого мужчины был как у медведя. Интересно.

– Значит, ошиблась.

– Это глупо, а я считал, что у вас в голове мозгов побольше.

Я прищурила глаза. Он и понятия не имел, на что я могу пойти и какой опасной могу быть.

Раз я была женщиной, это что же, меня можно было не бояться? Он что, тут же решил, что у меня в голове нет ничего, кроме фантазий и всякой там романтики? Он и правда думал, что я не знаю треклятых опасностей этого богами забытого края?

Я растянулась на животе и подперла кулаком подбородок.

– Дорогой мой Элоф. Ты бы лучше считал глупцами тех городских, что наткнутся на меня после заката. Это они рискуют, а не я.

Он фыркнул. Нет, этот мерзавец, черт побери, смеялся надо мной. Горловой звук, полный насмешки.

– Что? – я приподнялась на локтях. – Не веришь?

Да что мне было доказывать? Ему – ничего. И все же вот она я – полна решимости показать, чего стою и как коварна, даже несмотря на то, что прекрасно понимала: куда более опасно открывать свой месмер кому-то вроде него, кому-то, кого я по-настоящему не знала, чем красть воспоминания у вора, наподобие Хоба.

– Полагаю, вы думаете, что понимаете, как устроен мир, дэнниск. Но это не так.

– Ты меня не знаешь, Элоф.

Он вонзил вилы в большую кучу сена, качая головой.

– Может, и нет, но я знаю, когда кто-то ведет себя как безмозглый.

Я заскрежетала зубами. Он говорил совсем как чертов Кейз. Мой старый друг всегда говорил мне, как по-дурацки пуста моя черепушка, раз я иду на подобные риски. Но, опять же, он шел на эти риски вместе со мной.

– Знаешь, Элоф, кажется, было лучше, когда мы не разговаривали.

– Согласен, дэнниск. Отправляйтесь спать в свою теплую кровать.

О. Мне теперь было по большому счету наплевать на странно красивого Элофа. Сама виновата, что разрушила фасад этого принцеподобного лица, заставив его говорить. Дюжины

колких замечаний плясали на кончике моего языка, но ни одно не подходило. Разумеется, любое из них обязательно каким-то образом сумеет выставить меня душой, а не продемонстрировать мой ум.

Я продолжала злобно смотреть на него, пока отодвигалась от края. У него хватало наглости ухмыляться – ухмыляться, черт побери! Теперь я точно не могу видеть его противного лица.

Вот что я получила за то, что пыталась сблизиться с другим человеком.

Лучше держаться за призраков прошлого и брата, которого я еще неизвестно когда увижу вновь. Был еще Ансель, друг Хагена и главный смотритель поместья, но у него своя семья.

Норны уготовили мне одинокую тропу. Ну и ладно. Буду идти по ней одна, пока не найду способ спасти тех, кто мне важен. Единственных, кто важен.

Я забила в дальний угол сеновала, где устроила себе небольшое гнездышко, чтобы использовать его в качестве той теплой кровати. Мои пальцы инстинктивно зарылись в сухое сено, и их кончики коснулись шершавой мешковины. Я вытянула мягкую лошадку из-под сена, а затем поигралась с гривой, сделанной из пряжи, и покрутила одинокий глаз-пуговицу. Второй потерялся шесть лет назад. Одна-единственная непрошенная слеза капнула на черную пуговицу.

Я шмыгнула носом и прижала лошадку к груди.

– Мы найдем его, Асгер, – прошептала я. – Хочешь, что-то скажу? Думаю, он, даже став взрослым, будет держать тебя при себе.

При этой мысли я фыркнула. Будет ли взрослый Кейз широкоплечим и сильным? Или, может, он теперь долговязый?

Мальчиком он работал в полях, вычищал конюшню, седлал кобыл. Хаген всегда дразнил его, говоря, что Кейз его перерастет, если продолжит в том же духе.

А Хаген был немаленький.

Я обняла Асгера, вспоминая тот день, когда подарила лошадку Кейзу. Если бы я знала, что это будет последний подарок, который я преподнесу ему на праздник рождения, то сделала бы больше, сказала бы больше?

Или мы все равно бы спорили, потому что почти ни один день у нас не проходил без споров?

– Я, черт побери, не маленький, Малли.

– Но и не мужчина, гаденыш ты эдакий.

– Я старше тебя, и мне вот такое больше
не нужно.

Мои слезы и улыбка смешались с гривой лошади.

Кейз ныл и жаловался на то, что получил мягкую игрушку, – а я потратила больше половины того, что наскребла за месяц, чтобы купить для нее набивку, – но не проходило и ночи, чтобы он не спал, держа Асгера под боком.

Когда мои веки отяжелели, я прижалась к Асгеру, прячась от холода этой ночи и от теней, которые всегда сгущались в конюшне, когда звезды разгорались ярче.

Странные и тяжелые, эти тени как будто были чем-то большим, чем просто ночь. Звуки, что Элоф издавал, работая внизу, сплетались с темнотой. Он разве не замечал туманов в конюшне? Судя по тому, что он не прерывал работу, мне иногда казалось, что тьма принадлежала только мне одной.

Может, я немного сходила с ума.

Годы отчаяния – и вот я уже воображала присутствие, невидимое для всех остальных. По правде говоря, я уже вполне привыкла к темноте, даже находила в ней некое утешение, когда

она наступала. Тени меня тревожили, только когда шею щекотало жуткое ощущение, что из темноты на меня смотрят чьи-то глаза.

Я поморщилась, подтянула колени к груди, отказываясь посмотреть через плечо, и поборола желание попросить Элофа зажечь несколько фонарей.

Может, на сеновале был призрак.

Я просто еще не поняла, друг мне этот призрак или враг.

Глава 3

Воровка памяти

– Вставай. Малин, вставай.

Я застонала, когда что-то ткнуло меня в бедро. Удар, потом еще один. Что-то твердое и жесткое било меня по костям. Я его на кусочки изрежу, если оно еще хоть раз до меня дотронется.

– Оставь меня, – промямлила я.

– Клятые небеса. – Широкие сильные руки тут же ухватили меня под мышки. Из горла вырвался пронзительный вскрик, когда инстинкт потребовал, чтобы я начала брыкаться и отбиваться. Но вот по моим венам прокатился гортанный смешок. – Да боги, девочка. Ты каждое утро просыпаешься, как бешеная кошка?

– Ансель. – Мои глаза подстроились под темноту, и я отпихнула его. С раздраженным вздохом я стряхнула соломинки, приставшие к штанам и волосам. – Ты что здесь делаешь?

Один взгляд на улицу помог понять мне, что солнце еще даже и не думало просыпаться.

– Нас с тобой ждет работа. – Ансель бросил к моим ногам лопату. Он был ближайшим другом Хагена, к разочарованию моего отчима, и у него была мощная фигура воина-берсерка. Но сердце у него было доброе и славное.

С ареста Хагена Ансель заступил на должность, на которой с гордостью обращался со мной как с беспомощной младшей сестричкой.

– Что? – я потерла сонные глаза. – Почему сейчас?

– Мастер Штром получил весть о том, что сегодня прибывает тюремный транспорт, – белозубая улыбка Анселя прорезала тьму.

Мой пульс заколотился где-то в черепе. Я забыла, что нужно дышать. Улыбка облегчения и недоверия постепенно осветила меня.

– Тюремный... – я обхватила пальцами запястье Анселя. – Это Хаген?

Ансель мягко рассмеялся.

– Рискну сказать, что да, Мал. Твой отчим хочет, чтобы территорию подготовили к его возвращению.

Хаген. Мой брат. Единственный человек в Доме Штормов, которому вообще было дело до того, жива ли я, возвращался домой!

Большую часть моей жизни он ездил в Северные королевства, ведя какие-то заграничные дела от имени Дома Штормов. Я не знала, что это за дела: он мне никогда не рассказывал, никогда не позволял задавать много вопросов, но мне было плевать. Лишь бы он возвращался.

Вот только два года назад он не вернулся.

Но теперь он снова будет дома...

Я поспешила пригласить крысиное гнездо своих волос и заплести их в простую косу, после чего натянула на ноги свою единственную пару сапог из вареной кожи. Считанные мгновения спустя я уже скользила меж других работников и исполняла указания Ансея.

К тому времени, как утренний свет разогнал рассветный туман, я уже обстригла дикие травы вдоль передней дорожки, покормила коз, кобыл и сумела поймать гуся, которого зажарит повариха. На моем лбу собрались капли пота, когда я собирала редьку и репу, зная, что отчим их наверняка попробует.

– Малин, поди к свиньям, девочка. Засов проклятого загона сломался. – Мой отчим, стоящий у входа в длинный дом, впился в меня суровым взглядом. Я кивнула и тыльной стороной ладони стерла грязь с глаз.

– Да, daј.

У Йенса Штрорма был мощный голос, совсем как у волн Воя. Его звук вторгался в каждое движение в поместье. От содрогания ветра в ветвях и до бряцанья деревянных тарелок в кухонных помещениях. Когда мой отчим говорил, все поместье слушало.

Крепко сложенный, с толстыми руками и сильный, как скала, – вот каким был этот мужчина. Его борода была заплетена в косичку, а рыжие волосы по бокам головы он выбривал вплоть до макушки, оставляя по центру длинную полосу косы, тем самым демонстрируя статус аристократа. На коже его головы и скул были вытатуированы руны. Защита. Сила. Процветание. Все знаки аристократа.

Хотя я была рада, что Штроры богаты. Иначе Йенс был бы альверским псом на маскараде, и мы все вместе с ним.

Он был аномальщиком, как и я. Таким словом называли столь страшный, мощный и непонятный месмер.

По тем намекам, что он оставлял, я вычислила, что мой отчим обладал каким-то даром, связанным с ложью и правдой. Что-то касаемое контроля того, какие слова произносятся и какие истории рассказываются.

Такой дар мог быть полезен, если ты пробиваешься в аристократию. Если жертвы не смогут сказать правду, то кто тебя остановит? Я, наверное, и сама была немного порочна, потому что мне было все равно, получил ли Йенс свое богатство бесчестным путем. Его кошелек делал нас всех свободными альверами, и у него было достаточно влияния, чтобы скрывать правду о моем месмере.

По какой-то причине он это делал.

Насколько мне известно, Ивар понятия не имел, что падчерица Дома Штормов отнюдь не была совершенно обычной девушкой.

Йенс не любил меня, но он дал мне свое имя, дал мне крышу над головой и еду на столе. Закон его к этому не обязывал. Поскольку я была дочерью его мертвой жены, Йенс не был ко мне ничем привязан.

Большинство дней я его презирала, жаждала, чтобы он сломал себе спину, выполняя бесконечную работу, как и все мы, но часть меня любила его за то, что он уберег меня от жизни в доме утех или голодного прозябания в сточной канаве.

А в такой день, как сегодня, он мог попросить меня сделать что угодно, и я бы это сделала, даже не задумываясь.

Хаген скоро будет здесь.

– Малин, – рявкнул Йенс, когда я вручила корзину с овощами другому слуге. – Когда закончишь, я хочу, чтобы ты сидела в конюшне. Поняла?

Я раскрыла рот.

– Но я надеялась...

– Какие-то проблемы?

– Я надеялась... Я хотела встретиться с Хагеном, даж. Прошло так много времени, я думала, что смогу сегодня побыть со всеми в главном доме.

По территории поместья раскатился злобный смех.

– Маленькая мышка? В доме, с нами? Мы не станем позорить моего дорогого братца таким зрелищем в его первый же вечер дома.

Бард показался из длинного дома и вгрызся в спелое, кроваво-красное яблоко. Сок капал с его волевого подбородка. Для кого-то Бард был красивым. Полным достоинства. Наследником Дома Штормов.

Для меня он был жестоким и испорченным до мозга костей.

В горле затянулся постыдный узел.

– Я не хочу проявлять неуважение, но... Хаген и мой брат тоже.

Бард рассмеялся и откусил еще кусок.

– Скажи-ка мне, маленькая мышка. Какое право ты имеешь на что-либо в этом доме? Тебе повезло, что у тебя вообще есть крыша, которую ты можешь называть своей.

– Мне полагается доля моей матери в Доме Штормов. – Пекло, что же я делаю? Я винила в этом вспышку одуряющей боли от мысли, что мне еще одно лишнее мгновение не дадут подойти к Хагену.

Из-за моих внезапных слов слуги остановились и посмотрели на нас. Кто-то с ужасом, другие – с восторгом в глазах, оттого что наконец-то что-то интересное может произойти в Доме Штормов.

– Твоей матери? – Бард отшвырнул наполовину съеденное яблоко и сделал шаг ко мне, его голос сочился обидной иронией. – О, бедная маленькая сестренка. Разве ты не понимаешь, что твоя шлюха-мать мертва?

– Достаточно, – отрезал Йенс. Он прищурил глаза, глядя с... отвращением, может, с презрением. Может, с чем-то еще. – Малин, ты сделаешь, как тебе велено. Я не хочу видеть тебя возле главного дома. Это мое последнее слово, девочка.

Бард подмигнул мне. Как бы я хотела вогнать свой кинжал ему в ногу, чтобы стереть эту ухмылку с лица. Но вместо того я, как всегда, кивнула. Я подчинилась слову моего отчима, подобрала лопату и повернулась к загону для свиней.

Мошная булыжниками дорожка вела за угол главного дома. Йенсу не нужно было держать скот или свиньи загоны. Он был человеком оружия. Одним из верных кузнецов оружейной Черного Дворца. Если бы я верила, что он добрый человек, я могла бы думать, что мой отчим добавил вонючие загоны и роскошные сады, чтобы дать своим слугам больше работы, дабы оправдать то, что он им платит и не дает оказаться на улице.

Но он был не таким человеком, кого я бы назвала добрым, так что ему, наверное, просто нравилось присутствие тупых существ, таких как норовящие удрать свиньи.

Возле загона мое горло пересохло так, что я не могла сглотнуть.

Внутри стоял Элоф, налаживая сломанный засов.

Вина кинжалом вонзалась в мою грудь всякий раз, когда сердце подскакивало при виде этого мужчины. Как будто я предавала единственного мальчика, которого когда-либо любила, этим неподобающим влечением к другому. Другому, который меня раздражал и был откровенно груб.

Элоф поднял глаза.

– Вам что-то нужно, дэнникс?

– Не от тебя.

Элоф не прервал работу, но его губы снова одурающе дрогнули.

– И откуда же вам это знать?

– Хм-м. Ну, скажем, некое несварение подсказывает мне, что у тебя никогда не будет того, что я хочу.

– Как решительно вы это сказали. А мне многие говорили, что у меня талант исполнять самые сокровенные желания.

Мои внутренности скрутило. Его слова буквально сочились двусмысленностью, а я не хотела в этом разбираться.

– Какой неприятный сюрприз – встретить тебя здесь в течение дня.

– Я здесь сегодня нужен.

Я закатила глаза и поспешила к другой стороне калитки, где одна из свиней протиснулась наружу, – самая маленькая и самая шустрая. Я пыталась поймать животное, пока легкие не начали гореть.

Словами не передать, как противно мне было, что пришлось просить помощи у Элофа.

Он ничего не сказал, но блеск в его глазах-океанах говорил мне, что внутренне он чуть не кричал о том, что у него нашлось нечто, нужное мне. И так было до тех пор, пока животное наконец не оказалось за починенной калиткой.

– Солнце садится, дэнниск. Вам бы пора возвращаться в свою кроватку.

Я заправила пряди своих потных, грязных волос за ухо.

– А тебе пора бы найти кого-то другого, чтоб его донимать.

– Отлично сказано, дэнниск. Нет, правда, вы меня ранили.

– Хорошо. – Пекло. У меня мозгов было меньше, чем у треклятого камня, и Элоф знал об этом. Его заносчивый смех разбитым стеклом вонзался в меня, пока я заканчивала укреплять вновь выпрямленные столбы грязью и глиной, а он снова принялся кормить тупых свиней.

Моя работа замедлилась с того момента, как отчим потребовал, чтобы меня не было видно. Что такого ужасного было в том, чтобы подпустить меня к Хагену? Йенс знал, что мы близки; он никогда не пытался нас разлучать. Одно из его подозрительных проявлений доброты, которых я не понимала. А теперь казалось, что он знает что-то еще и держит меня в неведении, потому что не хочет, чтобы я была в курсе его секретов.

– Наверное, это к лучшему, что вы сегодня не будете путаться под ногами, дэнниск, – сказал Элоф, опершись одним локтем на черенок лопаты.

Я бросила на него мрачный взгляд.

– Что?

– Сегодня, когда ваш брат вернется. Я думаю, будет разумно не путаться под ногами.

Я что, про Хагена говорила вслух? Или мое лицо буквально кричало о том, что я еще сильнее сломлена оттого, что не могу увидеть брата? Я его проигнорировала и вытерла грязные руки о штаны.

Голос Элофа потемнел.

– Собственно говоря, я думаю, вам стоит поспешить на этот свой чердак. Сейчас же.

– Да как ты смеешь мне...

Слова задушил грохот колес по песку и щебенке. Сердце в моей груди остановилось. Я задержала дыхание и повернулась к передней подъездной дороге, ведущей к Дому Штрмов.

О боги. Кареты Черного Дворца. Хаген. Кровь потекла быстрее, а слабую улыбку было никак не сдержать.

Пока мечта не превратилась в отвратительную реальность.

– Проклятье, – ругательство Элофа стало еще одним ножом в моей груди, доказательством того, что то, что я вижу, – правда.

– Маскарад, – сказала я, чуть дыша. Не кареты Черного Дворца. Это были повозки с масками, нарисованными на боках, и решетками на окнах. Такие повозки использовались, чтобы запира́ть и перевозить купленных альверов на Маскарад Аски.

Если что и доказывало, что альверы, занятые на маскараде, не были свободны, – так это решетки в тех повозках.

Мои колени ослабли, когда троица вооруженных скидгардов открыла одну из зарешеченных дверей и выволокла откуда-то сзади тощего слабого мужчину.

– Нет, – сказал Элоф чуть слышно. – Это невозможно.

Я не знала, что он имеет в виду. Все, что я слышала, – это свой собственный сдавленный крик:

– Хаген!

Глава 4

Воровка памяти

Я пронзительно вскрикнула, когда скидгарды заставили моего брата встать на колени.

Его волосы отросли до плеч. Борода вся сбилась в колтуны и заканчивалась чуть выше его сердца. На нем были лохмотья, а эти сильные, надежные руки теперь были тонкими и покрытыми синяками.

Я сделала шаг, желая броситься к подъездной дорожке, чтобы вступить в бой с любимым, кто посмеет к нему прикоснуться, но кто-то остановил меня, крепко обхватив за талию.

Элоф прижал меня к своей широкой груди, отталкивая назад.

Я стала вырываться.

– Нет!

– Потише.

– Отпусти меня!

– Закрой свой рот, или я его силой закрою. – Этот дурак вцепился в меня так, будто я была его последним вздохом. Я его ненавидела. Элоф медленно повел меня назад, к деревьям. – Малин, ты должна его отпустить.

Этот гад знал, как меня зовут.

– Нет. – Боль в моей груди стала невыносимой. Я привалилась к его телу. – Это же маскарад.

– Я знаю.

– Они... уничтожат его. Отпусти меня!

Дверь в длинный дом распахнулась. Мой отчим и половина домочадцев вышли на подъездную дорожку.

– Что это? – рыкнул Йенс.

Скидгард с серебряным саксом³выступил вперед. Капитан, сомнений нет.

– За вашу службу Черному Дворцу ваш Лорд Магнат дарует членам Дома Штроров возможность проститься со вторым сыном.

– Нет, – сказал Йенс. – Я получил весть о том, что его отпускают.

³ Сакс – короткий меч, иногда кинжал, использовавшийся викингами.

– Планы изменились, милорд. С этого момента лорд Хаген Штром, признанный альвером, будет в распоряжении Лорда Магната, каким бы образом тот ни решил им распорядиться.

– Нет. – Я развернулась в руках Элофа, но он лишь сжал мои бедра так сильно, что стало больно от его ногтей, впившихся в меня.

– Если хочешь сберечь свою дурную голову, ты сейчас же заткнешься, – рявкнул он мне в ухо и затащил нас в тени возле старого сарая. Темнота проглотила нас целиком. Я и не заметила, как сильно уже стемнело, но в этой мгле я едва могла различить Хагена.

– Мой сын уже отсидел свой срок, – настаивал отчим.

Капитан склонил голову набок.

– Вы оспариваете решение Лорда Магната, лорд Штром?

– Да, – голос Хагена. Ох, звук его голоса спустя столько времени причинял боль – он был грубым и полным резкого придыхания. – Отпусти меня, но... езжай к ним. Не позволяй им страдать, молю тебя. Освободи их.

Позволять страдать кому? Кого нужно освободить?

Йенс замер, превратившись в безмолвного наблюдателя. Он молча смотрел на то, как скидгарды пихнули Хагена вперед и как приказали ему проститься со своими людьми.

Я должна была его увидеть, должна была добраться до него, прикоснуться к нему. Элоф был силен, но я была в отчаянии. Пяткой сапога я резко наступила ему на ногу. Он обругал меня, но этого хватило, чтобы он на мгновение ослабил хватку.

Я вырвалась из его рук и бросилась к дорожке, готовая убить каждого скидгарда, причиняющего боль Хагену. Может, и безрассудно, но я бы искромсала столько, скольких успела бы до того, как они меня прикончат. Хагена не заберут. Не как Кейза. Я не отдам их обоим маскараду.

– Хаген!

Он поднял глаза в мою сторону и покачал головой.

– Мал, нет. Пожалуйста.

Пекло его побери. Я не стану смотреть, как его увозят прочь. Он умрет на маскараде, это точно.

Но эти проклятые руки снова сомкнулись на моей талии, утаскивая меня назад. Я вскрикнула и завопила, чем привлекла несколько взглядов со стороны скидгардов. Меня утащили в тень до того, как кто-либо из них решился последовать за мной.

Элоф потащил меня прямо к коттеджу Ансея. Он прижал мои плечи к двери и прибил к ней взглядом.

– Твой брат сделал свой выбор. Он знал, чем рискует. Что ему сейчас нужно, так это убедиться, что ты будешь в безопасности, поэтому этим я и займусь. Этим я всегда и занимаюсь.

Он нес околесицу. Я не хотела его слушать и не хотела делать что-либо еще, кроме как преследовать повозку, уносящую Хагена в преисподнюю.

И я могла. В этот год я могла прийти на маскарад. Сжечь его дотла.

Слезы высохли. Эмоции выгорели.

Элоф, видимо, заметил новую тьму в моих глазах, потому что проклял богов и вздохнул.

– Ты это так не оставишь.

– Никогда. – Слово протиснулось сквозь сжатые зубы.

– Вечно безрассудная дура, – сказал он, но, скорее, будто сам себе. – Ты никогда не найдешь его без помощи, ты же это понимаешь, да? Скажи мне, что ты не так глупа, чтобы считать, будто сможешь одна следовать за ними до самого Маскарада Аски?

А имело ли значение, что именно это я и планировала сделать? Нет. Я пробью основание Клокгласа, если так смогу спасти Хагена от той же участи, что из-за меня выпала на долю Кейза.

– Я бы сейчас тебя не высмеивала, – прошептала я. – Это для тебя ничем хорошим не кончится.

Элоф сжал мой затылок с такой силой, что я задохнулась.

– А для тебя все закончится, если станешь что-то делать одна. Никто не безумен настолько, чтобы лезть в маскарад. Если только ты не заключишь сделку с гильдией Кривов, но...

Он тут же захлопнул рот, как будто слова выскочили против его воли. Мои глаза округлились. Гильдия Кривов принадлежала Повелителю теней, зверю, а не человеку. Разбойнику, который ненавидел Лорда Магната и людей с положением. Кто-то называл его темным фейри. Мужчина, что появляется в тот момент, когда чьи-то самые темные желания было необходимо претворить в реальность.

Я была уверена, что он – всего лишь убийца, упивающийся хаосом.

– Повелитель теней – убийца, а не завсегдатай маскарадов, – прошептала я.

– Он заключает сделки, – пробормотал Элоф, запуская пальцы в свои густые волосы. – Как раз сделками гильдия Кривов и занимается.

– Сделками? А, так ты считаешь, что он и правда фейри, исполняющий желания? Никогда не думала, что ты тупица, Элоф.

– Боги, да знаешь ли ты хоть что-нибудь об этом треклятом мире? Я не говорю о желаниях фейри и магии, хотя фейри наших соседних королевств обиделись бы, что ты вот так от них отмахиваешься. Однако в Клок-гласе, в каждом гадском регионе власть получают через заговоры, взятки и сделки. Повелитель теней в этом лучший, но это не имеет значения. Он не станет заключать сделку с такой дурой, как ты. Ты слишком безрассудна.

Сжав кулаки, я подняла подбородок, чтобы казаться выше, но, по правде, не могла унять дрожь.

– Ты как-то много о них знаешь. Они могли бы помочь, ведь так?

– Нет. Никто не может тебе помочь. Ты не так поняла меня, дэнникс. Больше не спрашивай.

Я потеряла брата и сердце на этом маскараде. С меня довольно теней, что его окружают. Одной ладонью я толкнула его в грудь.

– Не ври мне. Ты заговорил о Кривах, потому что они первыми пришли тебе на ум. Первая мысль обычно самая честная. А теперь расскажи мне правду: способны ли Кривы помочь мне вернуть брата?

Элоф поджал губы. Он все удерживал мой взгляд. Не моргая.

– Клянусь богами, я не стеклянная! – Я сделала несколько шагов в сторону. – Маскарад забрал все мое сердце по кусочкам, и я бы хотела получить их обратно. Если гильдия Кривов может быть полезна, то давай рассказывай, иначе, обещаю, я признаюсь каждому скидгарду, что у меня в планах отравить пирожные на празднике. По крайней мере, тогда я найду Хагена, если меня саму бросят в застенки маскарада. Не сомневайся во мне, я так и сделаю.

На протяжении нескольких вдохов Элоф смотрел на меня, слегка оглушенный, затем сложил руки на груди, переминаясь с ноги на ногу.

– Самое забавное в твоих угрозах то, что ты настолько тупа, что пойдешь и выполнишь их. Хочешь заключить сделку с Кривами? Неразумно, но если уж ты настаиваешь, дэнникс... – Элоф указал на дверь Ансея, делая шаг к теням под деревьями, – то тебе стоит спросить приятеля твоего братца, что в такие сделки входит. А потом уже делать выбор.

В груди что-то содрогнулось. Ансель знал о Повелителе теней? Неуловимом, властном и кошмарном любителе сделок? Да быть такого не может.

Элоф шагнул прочь с крыльца, и мое горло стиснула паника.

– Подожди, ты куда идешь?

– Прочь. Как и в случае с тобой, маскарад и меня тоже может вывести из равновесия, – Элоф помедлил, прежде чем скользнул в темноту. – Не глупи и не смей идти сегодня за братом. Ты ничем ему не поможешь, если погубишь себя.

А затем он исчез.

Я простояла на крыльце коттеджа Ансея еще один долгий вздох. Дважды меня ломали. Дважды Восточное королевство крало у меня дорогого сердцу человека.

Время для моей мести приходило и уходило уже слишком много раз.

Этого раза я не упущу.

Глава 5

Повелитель теней

Холодный ветер прорывался меж узких планок, составлявших стены сарая. С крючков на стенах свисали лопаты с расщепленными рукоятками, серпы с пятнышками затвердевшей ржавчины на лезвиях и забытые топоры, которыми когда-то пользовались, чтобы сформировать и выстроить все поместье.

Я подбросил и поймал золотую монетку пенге. Для кого-то она значила бы целую жизнь, полную экономии и пустой похлебки, для других была суммой, которую едва замечали. Мне был неважен размер оплаты; что имело значение – так это страх и безнадежность, что скрывались за ней, когда она попала в мои руки.

Когда учитывались отчаяние и нужда, эта конкретная монетка стоила больше, чем вся сокровищница Черного Дворца.

Когда дверь, сорванная с одной из петель, открылась, я не обернулся. Лишь перебрал монетку из руки в руку, глядя на холодные ленты лунного света, разлившиеся по пыли и запустению.

– Ты опоздал, – сказал я, собирая тени вокруг плеч и рук. Когда страх набирал силу, можно было рассчитывать на большую власть. Если бы я был человеком получше, я бы мог проявить некоторое уважение к своему посетителю. Он, несомненно, нес на себе страх, но тот был притуплен яростным гневом, может, даже и ненавистью ко мне.

Нагло. Немножко храбро.

Дверь закрылась с громким стоном.

– Мне за детьми смотреть нужно.

Я фыркнул. Вечно оправдания. Малышня может выжить и без отца. Я ведь смог.

Хотя, опять же, я был не из тех, какими матери надеются увидеть своих детей, когда те вырастут, но я вполне мог сказать, что выжил, и сегодня держал в руках власть. Больше, чем большинство жалких малышей сможет сказать о себе, когда вырастет в жалких слуг для богатых домов.

Я повернулся лицом к главному смотрителю Дома Штромов. Монета, которой он заплатил мне почти два года назад, перекатывалась меж моих пальцев. При виде ее в его глазах промелькнул новый страх. Страх никогда не проходил мимо меня незамеченным.

Коль скоро моя сила жила в этих приступах паники, все, что я чувствовал, – это удушающий, сковывающий страх.

К его чести, мужчина скрыл свое беспокойство несколько вздохов спустя и смерил меня жестким взглядом.

– Это не входило в нашу сделку.

Один уголок моих губ изогнулся в улыбке.

– Не знал, что ты устанавливаешь правила, Ансель. Наша сделка заключалась в том, что ты будешь должен мне услугу, если я доставлю тот тоник, что нужен твоему мальчику. Проходил ли хоть месяц, когда доставка не состоялась?

Ансель был высоким мужчиной. Он мог бы быть устрашающим, если бы не раскрывал сердце так широко и не позволял другим видеть, что для него важнее всего. Когда его младший сын два года назад подцепил Дикую Лихорадку, его сердце навсегда ослабло. Но травы и эликсиры, тронутые месмером, были недешевы.

Я устроил так, что один эликсирщик – альвер с чудесным даром смешивать зелья и яды – создал для мальчика тоник. Спас его маленькую жизнь.

– И я благодарен...

– Ты не кажешься благодарным.

Ансель покачал головой.

– Зачем она тебе нужна? Что это за план? Она пришла ко мне сегодня, зная о нашем... взаимодействии то, что только Крив знал бы. Как?

– А. Наше с тобой дело не требует того, чтобы я отвечал на твои вопросы. Мои сделки просты. Окажи мне услугу, когда я попрошу, и тоник продолжит поступать каждую первую луну. Не сделаешь то, что от тебя требуется, и его больше не будет. Все просто.

Меж его бровей пролегла складка.

– Ты скажешь мне, если задумал ее убить?

– Нет.

– Нет – не планируешь ее убивать, или нет – не скажешь?

– Нет.

Главный смотритель взглядом чуть не метал в меня битое стекло.

– Тебе место в преисподней.

Я хохотнул и убрал монету в карман.

– Правда? А твоя славная женушка так, кажется, не считает. – Оттенок его покрасневшего лица развеселил меня чуть больше, чем следовало. – Ну, не надо такого свирепого вида. Она тебе странным образом верна. Но начала оставлять нам маленькие пирожки с пряностями в ночь доставки, и моей гильдии они очень нравятся. Женщина, которая знает, как показать признательность.

Когда он отвернулся, я мигом сократил расстояние между нами.

Тени разлились по сараю. Моя рука упиралась в его грудь, поглощая каждый быстрый удар его сердца, когда я прижал его спиной к стене. Смотритель был выше на полголовы, но выражение чистого, сочащегося страха в его глазах пьянило, напиткивало мотки ночи, вырывающиеся из моего тела.

Каждая тень холодила поверхность моей кожи, и в то же время кровь моя разогревалась от использования месмера.

В хижине потемнело, отчего казалось, будто я смотрю на него через прозрачную черную ткань. Чернильная тьма покрыла мои глаза. Обычно я мог окрасить глаза тьмой, когда сам того хотел, но сегодня белки скрылись из-за накала эмоций.

Я ненавидел находиться на грани потери контроля.

– Один пенге, – мой голос был темным хрипом. – Это все, что у тебя было, так что я согласился на то, что остальной твой долг будет оплачен одной услугой, когда бы я за ней ни обратился. Без вопросов, – я прижался своим лбом к его. – Проклинай мое имя, мне все равно, но приведи эту женщину к моим дельцам целую и невредимую. Не сумеешь – и я по-другому изверну нашу сделку. Твоя жена будет хорошим началом. Нам бы пригодилась симпатичная крепостная.

– Мерзавец.

Моя рука легко касалась его груди, но тени петлями обвили вокруг его горла и запястий, сдавливая, пока он не поморщился.

– Так что выбираешь? Я, честно, не вижу здесь проблемы. Идею встретиться с Кривыми уже вложили ей в голову. Она сделает это с тобой или без тебя, но в первом случае доберется до нас живой. И тогда долг перед гильдией Кривов будет уплачен, а твой мальчик будет жить.

Ансель опустил взгляд на дощатый пол, покрытый пылью, и кивнул.

– Могу я считать это согласием?

– Да, – голос мужчины был изможденным и сломленным.

Идеально.

Я выпустил его из теней своего месмера. Моя кожа горела странным ледяным жаром, пока тьма отступала обратно, в мою кровь. Вся, кроме той, что в глазах.

Я сунул руку в карман и достал пенге. Подбросив монетку, я дал ей упасть на пол.

– Приведи ее и считай, что наши дела окончены.

В три широких шага я добрался до двери, но голос Анселя меня остановил:

– Она будет драться с тобой. Если причинишь ей вред, она будет с тобой драться. Она альверка, но это ты, вероятно, и так знаешь.

Держась за дверную ручку, я оглянулся через плечо.

Ансель потянулся за монетой, затем повернулся ко мне со страдальческой улыбкой на лице.

– Есть в ней что-то сильное. Не знаю что, но у нее будет еще меньше денег, чем у меня, чтобы тебе заплатить. Раз она не может заплатить, я уверен, что ты желаешь ей зла. Невинной душе, которая и так потеряла уже слишком много. Надеюсь, боги проклянут тебя за это.

– А, не бойся, они это часто делают.

Если бы он только знал, как сильно я старался, чтобы эта ночь не настала. Но какие бы осторожные шаги я ни предпринимал, мне это не удалось. Наши дорожки пересекутся, и это, вероятнее всего, закончится смертью, если я не шагну назад в прошлое, которое хотел бы забыть.

Наивная деревянная роза обожгла меня там, где касалась груди под туникой. Я отказывался задумываться об этом, пусть даже на мгновение.

– До завтра, – я открыл дверь, широко ему улыбаясь. – О, и, Ансель, не опаздывай больше.

В естественных тенях мир мог наконец перестать вращаться. Неустанное биение моего пульса могло замедлиться, пусть и всего на миг.

Это бы принесло долгожданное облегчение после того жара в груди. Я сделал ошибку, а я никогда их не делал. Вот так оступиться в игре в ножи означает смерть и кровь.

Почти два года мы искали, давали взятки и выслеживали Хагена Штрома. Когда мы его нашли, то стали тщательно работать, чтобы устроить его освобождение из северной морской тюрьмы.

Наши фальшивые бумаги о помиловании были идеальными.

Но однажды ночью он проскользнул сквозь наши пальцы. Как маскарад вообще о нем узнал? Даже будучи в шоке, я мог бы работать и с внезапно нарисовавшимся маскарадом.

Проблемы начались, когда она не послушалась. Если бы она сохраняла спокойствие, если бы ушла в конюшню, мне бы не пришлось все еще вести эту проклятую битву.

– Он затих, Това? – шепотом спросил Гуннар, поднимая старый кувшин и делая глоток броана.

– Это всегда плохой знак, – ответила Това. Она скосила свои кошачьи глаза в мою сторону, изучая мой профиль так, как будто я не чувствовал ее взгляда. – Как думаешь, он забыл, что мы здесь?

Я закатил глаза. Учítывая, как сильно народ в регионах дрожал от одного лишь имени Повелителя теней, я думал, что моя собственная клятая гильдия будет проявлять ко мне хотя бы капельку уважения и обожания. Если бы только те, кто распространяет такие жуткие слухи, могли видеть, сколь мало Кривы боялись своего лидера, это едва ли хорошо сказалось бы на моей убийственной репутации.

– Может, расскажешь ему, как я не дал тому старому скидгарду преградить нам дорогу? – продолжал Гуннар, как будто я не стоял с ним рядом. – Я все еще ужасно собой горжусь.

– Ах да. Наш юный принц... у-уф. – Това мрачно посмотрела на Гуннара, когда его локоть впечатался ей в ребра.

– Прекращай уже меня так называть.

Я чуть не рассмеялся. В это мгновение он выглядел совсем как шестнадцатилетний мальчишка, которого я встретил два года назад, когда мы отправились в Северное королевство фейри.

Гуннар мог расщепить волосок кончиком стрелы и, будучи альвером-гипнотиком, обладал способностью заставить человека делать все, чего бы он ни пожелал.

Дар, который я использовал по полной.

Когда наши северные соседи подняли восстание против своего короля, Кривы проголосовали за то, чтобы сплавать к их берегам. Моя гильдия отправилась из чистого любопытства; я же увидел в этом способ набить наши карманы чужеземными монетами.

Если бы я знал, что этот ход выкинет меня на дорогу Хагена Штрома, я бы никогда не поехал.

Все, что касалось Хагена, разумеется, привело бы меня на дорогу к ней. Женщине, которой лучше было бы верить, что я мертв.

Ее поиски мальчика всегда заканчивались разочарованием. Я бы ни за что не показал своего лица.

По крайней мере, таков был план. Наши судьбы переплетались, и я не мог этому помешать. Не был вполне уверен, что хотел этого.

Мужчина должен быть дураком, чтобы рискнуть и самому выпить свой собственный яд. Чтобы сознательно ослабить решимость. Я становился этим самым дураком.

Моей гильдии всегда отдавались приказы не причинять вреда падчерице Дома Штромов. Она не была частью нашего плана по поискам Хагена. Всего лишь альверкой, за которой нужно наблюдать. Так что мы наблюдали. Ждали. Почти целый клятый год мы ждали этого момента, и я позволил Хагену уйти, потому что ценил ее голову выше его.

Нам придется поменять свои планы и начать более опасную игру.

– Остальные на местах? – рявкнул я, разом обрывая перепалку о титуле Гуннара.

– Ой-ой, кто-то сегодня довольно раздражительный, – сказала Това, бросая один из своих орешков мне в голову. Он не попал и приземлился к моим ногам.

– Това, – предупредил я.

– Что? – она поджала губы и смерила меня жестким взглядом. – Очевидно же, что есть что-то, чего ты нам не рассказываешь об этой воровке памяти.

Почему мы здесь, а не преследуем транспорт? Я думаю, что мы – Гуннар сильнее всех – заслуживаем знать.

Она не ошибалась, но я бы ни за что не рассказал ей. Скорее даже, не смог бы. Но правды об этом она тоже не узнает.

– Единственное, чего любой из нас заслуживает, так это продолжать дышать, – сказал я голосом низким и хриплым. – Если вы этого хотите, так доверяйте мне или проваливайте.

Глаза Тovy округлились. Я сжимал и разжимал кулаки, раздраженный тем, что плюнул в нее этими словами. Никогда за многие годы я не велел кому-либо из гильдии проваливать.

Несколько биений сердца мы провели, сцепившись взглядами, борясь за то, кто прогнется первым. Гуннар напряженно поежился и медленно, бочком отошел от нас двоих, как будто мы могли скрестить друг с другом клинки.

Наконец Това издала усталый вздох и покачала головой.

– Если тебе без разницы, то я уж лучше не буду разваливать гильдию, – сказала она, и обида в ее голосе лезвием прошлась по скрытым одеждой шрамам на моей спине.

Я сдержанно кивнул, затем взглянул на Гуннара.

– Что ты сделал с тем скидгардом?

Гуннар перестал ерзать и быстро шагнул ко мне с огнем в глазах.

– Заставил его приказать целому подразделению не приходить на эту сторону доков как минимум два дня. Заставил свой месмер работать почти мгновенно.

– Едва ли, – сказала Това. – С четвертой попытки.

Гуннар запыхтел.

– Я же сказал, почти мгновенно. Мы сможем беспрепятственно заключить сделку, а потом... отправимся за ним?

Эти слова прозвучали вопросом, мольбой. Когда я принял его в Кривы, он поклялся, что никогда не станет задавать мне вопросов. Он не хотел сейчас этого делать, но, как и Това, несомненно, ломал голову над тем, что я для нас задумал. Скорее всего, он не мог толком ничего понять. Но об этом я не мог сказать ему ничего больше.

– Что за понурый вид, Гуннар? – сказал я. – Мы на много шагов впереди.

– Если только воровка памяти снова все не разрушит.

Он винил ее, а не меня, но я всегда буду взваливать на себя каждый промах.

– Хотя бы скажи нам, почему мы собираемся вести дела с этой женщиной, – попросила Това. – Почему она внезапно стала нам так важна?

Я не мог рассказать своей гильдии всего, но что-то ведь мог.

– Я лишь возмещаю урон от своего промаха.

Това и Гуннар обменялись удивленными взглядами. Я редко признавал свои ошибки, но моя беспечность секретом не была. Я должен был попасть туда еще до того, как Хагена привезли в Дом Штормов, я должен был предвидеть вероятность маскарада, но позволил себе отвлечься на другое.

Кривы не отвлекались. Если мы это делали – проливалась кровь.

Я прочистил горло и уставился на разрез зари, разгорающейся над морем Воя.

– Предоставленная сама себе, она станет угрозой нашим планам. Она слишком эмоциональна, слишком неопытна. Лучше держать ее поближе. Хотя она немало знает о Доме Штормов и маскараде. Мы используем ее знания к своей выгоде. – Когда челюсть Гуннара напряженно дернулась, я положил руку ему на загривок и сжал. – Что я тебе сказал, когда ты вступил в гильдию?

Он с усилием сглотнул.

– Ты сказал, что будешь биться до конца и не отступишь, пока мы его не найдем. Живым или мертвым.

– Ты мне еще веришь?

Гуннар кивнул.

– Славно.

Това наклонила голову, на ее губах заиграла хитрая улыбка.

– Так что, кто пойдет на встречу?

– Ты и Раум, – сказал я.

– Элофа отправим?

– Да, – я глубоко вдохнул холодную зарю. – Признаёт ли она это или нет, но она ему доверяет.

– Что нам нужно знать о ее месмере? – спросил Гуннар.

– Она аномальщица, – сказал я. – Она не знает, что игра, в которую играет, безрассудна, и станет вмешиваться, если предоставить ее самой себе.

– Тогда нам стоит просто убить ее, – посоветовала Това, как будто это не пробьет дыру прямо в центре моей груди.

– Как я уже сказал, даже при всех недостатках она может быть полезна.

Мне до мозга костей претило сплестать наши судьбы, но другого способа спрятать ее и сделать так, чтобы она продолжала дышать, у меня не было. Знать, что с ней станет, если она придет еще на один маскарад... Что ж, я был злобным, жестоким, но я не мог позволить ей сделать это в одиночку.

И все же это не означало, что что-нибудь изменится. Я буду злодеем в ее глазах. Для нее же будет лучше ненавидеть меня, ненавидеть всех нас.

Гуннар вздохнул; на его лице была написана боль.

– Я и не думал, что мы когда-нибудь окажемся здесь.

– А ты подумай. Мы близко, – ухмыльнулся я. – Но готовься, потому что сестра твоего отца – та еще штучка.

По мановению моей руки мы растворились среди деревьев, где нас ждали остальные члены гильдии. Мой пульс все никак не хотел замедляться, но я отгородился от него.

Здесь нет места эмоциям. Пора заключать сделку.

Глава 6

Воровка памяти

– Куда мы идем?

– К докам, – ответил Ансель. – Я обещал помочь тебе с этой безрассудной затеей, так что мы должны идти в доки.

Я сцепила пальцы, желудок сжался. В тот же момент, как Элоф покинул меня прошлой ночью, я постучала в дверь Анселя. Его взгляд был тяжелым и обеспокоенным. Мы посочувствовали друг другу из-за того, что стало с Хагеном, а затем я спросила, что ему известно о Повелителе теней и о сделке, которую они заключили.

Я почти ожидала, что он станет отнекиваться, но его плечи поникли, и он нахмурился еще сильнее.

Он признался, что однажды заключил сделку с Преисподней, и вот теперь мы оказались здесь, пересекали мост, ведущий к докам возле Воя, чтобы сделать это вновь.

– Ансель, – прошептала я. – А ты расскажешь мне о деталях своей сделки с Повелителем теней?

Он на мгновение закрыл глаза и остановился возле перевернутого ялика⁴. Не думая – или не заботясь – о том, что перепачкается ржавыми лишайниками и затвердевшим морским мхом, он прислонился к килю лодки.

– У меня не было другого способа спасти Дэйна.

Дэйна? Его проказливый сын любил шарить по вороньим гнездам на деревьях вокруг особняка.

– А что с Дэйном?

– После той лихорадки его сердце... оно убивало его, Малин. Лекари даже не брались за него. Я не думаю, что их лекарства сработали бы. Но Сигурд – человек, к которому я тебя сейчас веду, – он сказал мне, что помощь можно найти в гильдии Кривов.

– Повелитель теней помог Дэйну? Я думала, он злобный.

Ансель горько фыркнул.

– Он заключил сделку, Малин. Он ничего не делает по доброте душевной, уверяю тебя. Но я не жалею об этом выборе. Дэйн жив, а гильдия Кривов выполняет свои сделки. – Ансель

⁴ Ялик (ял) – легкая парусная лодка.

сжал руками мои ладони. – Малин, не делай этого. Ты станешь собственностью Повелителя теней.

– Как и у тебя, боюсь, у меня нет выбора. Ты только что сказал, что не жалеешь о том, что спас жизнь Дэйна. Что, если так я спасу Хагена?

Какая-то часть меня надеялась, что этой сделкой я выполню сразу два желания. Найду брата и найду Кейза.

Ансель опустил голову.

– Ты уверена? Я отведу тебя обратно, если ты передумала. Не пойми меня неправильно. Мы сможем найти другой способ, чтобы Дэйн получал...

Моя рука на его щеке заставила его умолкнуть.

– Ансель, – я подождала, пока он посмотрит на меня. – Я уверена.

Кивнув и поцеловав тыльную сторону моей ладони, он выпрямился.

– Тогда нам сюда.

На краю прибрежного района по воздуху разлились ароматы коричневого масла и фарша из дичи. У меня внутри разверзлась пустая дыра, и желудок жадно заурчал.

Грязные волны бились о корпуса шхун, драккаров, тендеров и торговых судов; этот звук помогал моему сердцу не сбиваться с ритма. Мощные улицы всегда были сырыми и грязными из-за того, что матросы вечно сновали туда-сюда, а фасады магазинчиков из-за постоянного мокрого бриза покрывал зеленый в желтую крапинку мох.

Я прибавила шагу и догнала Анселя, ведущего меня в узкий переулок. Воздух на этих тесных грязных улочках тяжело пах маслом, потом и дымом гикори. Вдоль тротуара стояли палатки блошиного рынка, все заполненные ношенными платьями, башмаками и костюмами для богослужений. Скучный рынок состоял лишь из нескольких деревянных тележек, с которых торговцы продавали пучки сельдерея, вареную картошку или репу тем, кто мог их себе позволить.

В конце улочки над дверью лавки, торгующей стальными изделиями, висела вывеска. Стены здания, сколоченные из реек, немного накренились.

Крыльцо застонало под нашим весом, а внутри кто-то напевал жизнерадостную мелодию. Ансель громко постучал в дверь, и мы мгновение подождали. Он снова постучал. Ничего. Еще два агрессивных удара – и дверь распахнулась; в проеме показался потный мужчина.

– Боги, я же сказал, что иду! – Незнакомец нахмурил брови, но улыбнулся, узнав главного зрителя. – Ансель, давненько тебя не видел, мой друг.

– И боюсь, я надолго задержаться не могу, Сигурд, – он понизил голос. – Это Малин Штром; она нуждается в твоих аморальных знакомых.

– Готова платить?

– Сколько потребуется, – сказала я ему, пусть и не имела за душой ни единого медного пенге.

– Тогдаходи.

Ансель похлопал меня по плечу.

– Ты в надежных руках. – Мое горло сжалось, когда он прижал меня к груди. Отпустив, Ансель большим пальцем подцепил мой подбородок, заставляя посмотреть на него. – Сигурд знает, как со мной связаться, если тебе что-то потребуется.

Не оглядываясь, Ансель накинул капюшон на голову и исчез в толпе.

– Похоже, у тебя была та еще ночка, – сказал Сигурд. Одной рукой он обвел свою лавку, приглашая меня. – Пройдем?

Прилавки внутри были уставлены стальными тарелками, бессчетными болтами и гвоздями для колес и спиц. Повозки, фаэтоны, несколько бронированных нагрудников в разной степени разобранности на полках в задней части. Серебряная стружка устилала пол, а в воздухе тонко пахло маслом и кофе.

Торговец сталью осмотрел мое потрепанное одеяние, затем по одной закинул ноги на край прилавка.

– Ну, выкладывай, – сказал он, но улыбнулся. Как будто был рад услышать историю. – Что стряслось?

– Моего брата захватил маскарад, и я планирую его освободить.

Глаза Сигурда широко распахнулись.

– Ох, и всего-то?

Кожу головы закололо от беспокойства.

– Вы сможете мне помочь?

– Дэнниск Штром, никто в здравом уме не станет лезть в Маск ав Аска.

– Это значит «нет»?

– Ты не дала мне закончить. Я же не говорил, что мои знакомые пребывают в здравом уме. Я просто говорю, что того, чего ты просишь, еще никто не делал. Будет проще вломиться в морскую тюрьму, чем шагнуть за кулисы маскарада. Особенно в этот год, когда лорд Ниалл ищет невесту.

– Значит, я умру, пытаюсь. – Я отказывалась бросать поиски.

Сигурд почесал подбородок.

– Ты же знаешь, о чем просишь, да?

– Да, я прошу у вас помощи, потому что вы знаете, как связаться с гильдией Кривов.

Он расплылся в улыбке, как будто очень гордился истинностью этого утверждения.

Мои глаза метнулись к отсутствующему кончику пальца на его левой руке и неровному порезу – я задумалась о том, какой была его жизнь. Что заставило торговца общаться с преступниками? Он, должно быть, очень уважаем и является постоянным членом гильдии торговцев. Так зачем рисковать комфортной жизнью, чтобы устраивать мутные делишки и уловки?

– Я тебя предупреждаю: с такими людьми нужно обращаться со всей серьезностью, – сказал Сигурд. – Если ты согласишься на их условия, то должна выполнить сделку, иначе, прости уж за прямоту, скид-гарды будут вылавливать тебя по кусочкам из фьорда за Северными утесами.

Третье пекло. Я облизала губы.

– Они и правда могут помочь?

– Кривы испытывают какую-то особую неприязнь к Лорду Магнату; не спрашивай почему, я не знаю. И им нравится своими замыслами причинять ему неудобства. Если ты ищешь гильдию, готовую пойти на что угодно, чтобы вернуть твоего брата, то я не думаю, что ты найдешь кого-то, глубже опустившегося на дно, чем Кривы.

– Вынуждена спросить, откуда ты их знаешь, раз они такие ужасные.

Он усмехнулся.

– Я и сам пару раз бывал на дне. Помогал время от времени тайком вывозить мальчиков и девочек-утешителей. У меня есть собственные причины не любить дома для утех, и мои сделки обычно заканчиваются тем, что эти ребята находят себе новую жизнь где-то в другом месте.

Я подняла бровь. Дома для утех были жестокими борделями, которые так просто своих работников не отдают.

– Впечатляет.

– Если ты серьезно настроена, – сказал он, – то я устрою встречу.

– Устрой, – сказала я, и мой дрожащий голос выдавал, в каком я была ужасе.

Сигурд побарабанил пальцами по прилавку, но его губы снова растянулись в улыбке.

– Как пожелаешь.

Сигурд, не теряя времени, связался с гильдией Кривов. С треклятым Повелителем теней.

Что, пекло меня побери, я делала? Мало того что я крада воспоминания трупов с маскарада или уличных торгашей, но ведь этот человек со своими темными желаниями держал в ужасе все королевство.

Почти три часа я провела в одиночестве в квартирке Сигурда над лавкой стальных изделий. Компанию мне составляли лишь мои мысли. Беспокойство заставило меня ходить от стенки к стенке, дергать себя за волосы, садиться и снова вставать. Я не могла без движения.

В задней части спальни нашелся умывальник с раковиной и весьма хитроумная система шкивов для забора воды из колодца под окном.

Я была одна, делать, кроме как бояться, мне было нечего, так что я вычистила грязь из-под ногтей, вымыла деревянного ворона, висящего на шее, оттерла пот и масло, которым перепачкалась в лавке. Я мылась, пока кожа не стала розовой и раздраженной.

Решив не выходить из квартиры в одном лишь тонком белье, я взяла на себя смелость позаимствовать одну из длинных туник Сигурда, что лежали, сложенные, на узкой полке стеллажа. Пропорции у Сигурда были как у медведя, так что его рубаха доставала мне до колен.

Одетая и чистая, я вышла из умывальной комнаты в узкую спальню.

– Удобно?

Я вздрогнула, прижав руку к груди, но чуть не улыбнулась, когда Сигурд подмигнул мне с потертого мягкого стула возле окна.

– Надеюсь, ты не против, – я указала на тунику.

– Чтобы обнаженная женщина надевала мою тунику? Да вовсе нет.

Мои щеки залило жаром, но Сигурд не стал дразнить меня дальше.

– Я не знала, когда ты вернешься, – сказала я, медленно заплетая свои влажные волосы в косу через плечо. – Удалось?

Сигурд покачался на стуле, удерживая мой взгляд в течение нескольких неуютных мгновений.

– Да, – он перестал качаться, шлепнул себя по бедрам и встал. – С минуты на минуту жду гостей.

В горле пересохло, будто я песка глотнула. Я впилась ногтями в плоть своих ладоней, чтобы скрыть напряжение, охватившее все тело.

– Надеюсь, ты уверена, что хочешь продолжать, дэнникс.

Я ни в чем не была уверена. Чем ближе был момент встречи с гильдией Кривов, тем больше я думала, что лучше будет бегом бежать обратно в Дом Штроров и прятаться на моем холодном чердаке, пока не придет пора отправляться в мир Иной.

Я помедлила и еле заставила свой голос не дрожать.

– Я готова.

Сигурд склонил голову набок, в его серых глазах таилась улыбка.

– Еще есть время все обдумать. Иногда жизнь – штука недобрая, как вот вышло с твоим братом. Но ведь это не значит, что при каждом несчастье надо бросаться в огонь и убится в процессе.

– Почему ты это говоришь? Ты думаешь, что Кривы убьют меня?

– Я думаю, что ты должна быть столь же умной, как и Кривы, если не умнее, и уж точно никогда не верить им полностью. Но я не думаю, что они настолько хладнокровны, что пере-

режут тебе горло при первой же встрече. А потом – уж не знаю. Я никогда не работал с ними слишком долго.

– А как ты вообще с ними познакомился?

Сигурд подмигнул мне.

– А, это история для другого дня. Но уж поверь, я знаю, что они работают по своим собственным правилам. Ты готова сделать то, что они попросят? Прорваться в Черный Дворец и на Маск ав Аска – дело рискованное. Чем ты можешь себя защитить?

– Я умею пользоваться клинком.

– И скидгарды тоже. И Кривы.

– Я буду в порядке, – настаивала я.

Сигурд открыл рот, будто хотел возразить, но кто-то постучал в дверь мастерской под нашими ногами. С тяжелым вздохом торговец сталью выдавил улыбку.

– Надеюсь, что так, дэнниск Штром. Потому что время вышло. Они уже здесь.

Глава 7

Воровка памяти

Чем глубже мы проходили в лавку, тем более затхлым становился запах. Ветер, дующий с моря, сотрясал деревянные стены, отчего возникающие тени играли в игры с моим разумом.

Возможно, я совершала смертельную ошибку, но боялась, что уже слишком поздно поворачивать назад.

Главный кабинет Сигурда был небольшим. Узкий стол, заваленный пергаментом, занимал один угол, а у стены стояли два деревянных стула, на один из которых я и уселась, сложив руки на коленях.

Сигурд бросил на меня единственный мимолетный взгляд, как будто давая мне последний шанс передумать, после чего открыл заднюю дверь.

Три темные фигуры, двое мужчин и женщина, стояли плечом к плечу в дверном проеме. На их носы были натянуты маски, по щекам спускались черные линии, а лбы украшали темные руны.

– Входите, – сказал Сигурд, отступая в сторону.

Черные волосы женщины с одной стороны были сбриты, а оставшиеся локоны взъерошили так, что теперь они походили на завитые шелковые нити. Ее кожа была гладкой и очень смуглой, а глаза оказались самыми странными из тех, что мне доводилось видеть в жизни. Черные щелочки прорезались через ослепительный люминесцентный цвет. Словно у кошки в ночи.

Мужчина, вошедший следующим, стащил вниз свою полумаску, открывая хитрую ухмылку. Как будто он знал секрет, в который меня не посвятили.

Он был бледнее женщины, с густыми волосами цвета кукурузной шелухи и ледяными глазами. Рукава его черной туники были закатаны до локтей, а пальцы рук, висящих вдоль тела, не переставая дергались.

Второй мужчина, стоящий позади, снял плащ, затем и маску.

Из моего горла вырвался глухой звук, как будто я одним глотком хватанула слишком много воды.

– Элоф, – да будь я проклята. Закругленное лицо, стеклянные глаза, борода пучками – на меня смотрел мерзавец, который и рассказал мне о гильдии Кривов. – Что... что ты здесь делаешь?

Элоф шагнул между двумя другими Кривами. На первый взгляд он казался физически слабее своих спутников, но они расступились перед ним. Кривы отошли. Для него. Мои глаза опустились на его толстый пояс. С обоих бедер свисали ножи, способные прорубить даже кость. За спиной короткий меч из тяжелого металла.

– Я предупреждал тебя, дэнникс. Я знаю о Кривах.

– Знаешь о них? Да ты сам Крив.

– А она наблюдательная, – сказала женщина, взяв из глиняной миски на столе Сигурда несколько завернутых в бумажки конфет. – Мы можем продолжать или вы желаете проболтать весь день?

Элоф провел меня. Ансель тоже меня обманул? Или он не знал о связи Элофа с гильдией Кривов?

Мозг лихорадочно перебирал все взаимодействия между главным зрителем и Элофом в Доме Штормов. Ничего не казалось необычным. Все кратко, по делу. Типичные мужчины, которым незачем вести дружбу с другими слугами.

Тремя быстрыми шагами Крив с морозными глазами безо всякого сопротивления с моей стороны прижал меня к стенке.

– Имя у тебя есть, лапочка?

– Мал. Штром, – выдавила я. – Малин Штром.

Крив усмехнулся и провел костяшкой одного пальца по моей щеке, совершенно не смущенный тем, как близко он стоял.

– Раум. И Мал мне нравится больше. А вон та красотка, – сказал он, кивнув на женщину, – Това. А этого уродливого поганца ты и так знаешь.

Това развернула еще одну конфету и бросила ее себе на язык.

– Наше время стоит денег, так что давайте ближе к делу.

Слова пеплом прилипли к моему языку.

– Садись, – сказал Элоф, указывая на стул, с которого я вскочила считанные мгновения назад.

Я прищурилась, чтобы казаться совершенно спокойной. По правде же я думала, что меня в любую секунду стошнит.

– Ха, я рискну предположить, что это все пустая трата времени, – сказал Раум. Он уселся на спинку другого стула, поставив ноги на сиденье; его колено начало беспрерывно подергиваться. – Не уверен, что в ней это есть.

– Я не согласен, – сказал Элоф. – По крайней мере, мне так казалось.

Бесхребетность Хагену никак не поможет. Я была альверкой – редкой альверкой, – которая пугала таких проходимцев, как Хоб. Я могла заключить сделку с Кривами.

– Я хочу, чтобы вы сперва ответили на мои вопросы.

– Мы здесь не затем, – сказал Элоф. – Собственно, если бы не твоя безрассудность, мы бы могли и вовсе в этой ситуации не оказаться.

– Моя безрассудность? Это не я привела маскарад. Не я забрала Хагена. – Мой голос зазвучал пронзительно, и я не могла остановить водоворот, закручивающийся в груди. – Я целые годы следила за маскарадом, и я не потеряю брата точно так же, как потеряла... – я замотала головой. Не было нужды втягивать в это Кейза. Пока нет. – Я его не потеряю.

Мышца на щеке Элофа дернулась.

– Выслеживать маскарад, чтобы вызнать его секреты, – это совсем не то же самое, что попытаться напасть на целый отряд скидгардов, как ты хотела. Если бы ты не вынудила меня вмешаться и оттащить тебя прочь, то твой дражайший братец уже мог бы быть сегодня со своей клятой семьей. В тепле. Счастливым. В безопасности.

Я хохотнула.

– Со своей семьей? Вот уж не описала бы Дом Штормов как теплый и счастливый.

– Не Дом Штормов. Я имел в виду семью твоего брата. Его детей. Его любовницу. Даже дай он мне пощечину, я не была бы так поражена. Дыханье сперло где-то в горле, ладони покрылись потом.

– У моего брата нет детей.

– Есть, – сказал Элоф, почти скупающим тоном. – Из Северного королевства. Ты думала, что он ездил туда по делам, а на самом деле он ездил туда, чтобы быть с ними.

– Нет, – я помотала головой. – Нет, если бы у Хагена где-то была семья, их бы привезли сюда, к нему.

– Эх, не все так просто. Север давным-давно сделал путешествия для них невозможными. Твой брат бесчисленные годы провел, пытаясь это изменить. В свой последний визит он перешел черту. Как думаешь, за что его швырнули в морскую тюрьму, дэнниск?

Я раскрыла рот.

– У него... у него сделка плохо прошла.

– Ладно. Пусть будет так, – сказал Элоф. – Твой брат скоро станет покойником, если ты не прекратишь донимать нас вопросами. Хотел бы я сказать, что было приятно поболтать.

Элоф встал, два других Крива двинулись следом.

– Стой! – Я вытянула вперед руку в останавливающем жесте. Дрожь отчаяния обожгла мне затылок. – Если у него была семья, то я не понимаю, почему он мне не рассказал?

– Кто знает, но вот не рассказал, – челюсть Элофа напряглась. – Мне по большому счету все равно почему; что меня волнует, так это то, что ты вмешалась в нашу попытку перехватить его.

– Зачем? – Я, прищурившись, посмотрела на Элофа, ненавидя его и одновременно отчаянно желая, чтобы он продолжал говорить. – Зачем он вам нужен? Что у вас за планы касательно его?

– Нас наняли, чтобы освободить Хагена Штрорма и вернуть его семье. Вот и все. – Элоф пересек пространство между нами и навис надо мной. Его лицо едва не касалось моего; его голос стал низким и темным. – Мы были наготове, мы устроили его освобождение. Но поскольку я вмешался, чтобы остановить тебя, момент был упущен.

Я напряглась и толкнула его своей грудью, параллельно упиваясь тем, как его брови дрогнули от удивления.

– Не надо меня винить. Я отреагировала так, как сделал бы любой, кому не все равно. Ты не меньше моего удивился, когда приехали повозки маскарада.

– Возможно, но я умею реагировать без эмоций.

– А что, иметь сердце так уж плохо?

– Да. Если из-за этого гибнут люди, то иметь его – смертельно, – сказал Элоф. Тени на его лице отступили, когда он выдавил ехидную улыбку. – Но нам больше некогда оглядываться назад. Мы меняем курс. Глядя на то, как ты разрушила наш изначальный план...

– Я не... – попыталась встрять я, но голос Элофа перебил мой и он продолжил:

– У нас не остается выбора, кроме как добавить еще одну сделку в первоначальную договоренность. Что ты готова предложить в обмен, дэнниск Штром? Ты пришла заключить сделку. Так заключай.

– Но все изменилось, – фыркнула я. – Вы и так уже вытаскиваете Хагена, ты сам сказал. Сделка со мной будет ни к чему.

– Нет. Наш план был подготовлен. План, над которым мы неустанно работали долгое время. План, в который не входило проникновение на маскарад из-за того, что на пути возникла одна эмоциональная женщина.

Если бы я пырнула Элофа ножом, Кривы наверняка все равно бы мне помогли. Я не сомневалась, что их он раздражал не меньше, чем меня.

– Суть в том, – продолжал Элоф, – что теперь перед нами новые роли, новые игры. Опасные. Нам понадобится больше поддержки от гильдии. А если нет, придется сократить расходы и сообщить северной семье твоего братца ужасные вести о том, что достать его было невозможно.

Это был удар кулаком прямо в сердце.

– Вы позволите ему страдать, умереть на этом маскараде, потому что вам слишком сложно? А я-то думала, что вы – грозная гильдия Кривов.

– Так и есть, – сказал Раум. – Разве мы это уже не прояснили?

– Мы не дураки, – сказала Това. – Того, о чем ты просишь, никто никогда не делал. Наша первоначальная сделка не включала в себя невозможное. Ты же понимаешь, так? Риск возрастает, а с ним и наша цена.

– Не пойми нас неправильно, мы не боимся невозможного, – рассмеялся Раум и хлопнул Элофа по спине.

– Нет, но мы, будь я проклят, желаем получить за это оплату, – сказал Элоф. – Дай нам что-то, что мы сможем использовать против тебя.

– Я не настолько глупа, чтобы давать вам что-то, чем вы мне же и навредите. Пусть повышенную цену платит эта предположительная семья с севера, – сказала я так властно, как только смогла. И все же дрожь просочилась в каждое слово.

Элоф сложил руки на груди.

– Не ожидал, что ты будешь так черства к своему дорогому братцу.

– Я не черствая. Я его сама вытащу, но таким, как вы, собой манипулировать не дам. – Встав, я двинулась к двери, но в испуге дернулась, когда Элоф крепко схватил меня за руку.

Его глаза были темными и усталыми.

– Будь честна с собой. Что будешь делать? Какой у тебя план? Как ты проберешься мимо скидгардов или личной армии Лорда Магната? Как ты доберешься до Хагена, если даже не знаешь, где содержат альверов? Скажи мне, как ты собираешься скрывать свой дар, учитывая, что Лорд Магнат находится в вечном поиске нового месмера?

Я замерла. Может, он лжет. Может, говорит все это, чтобы запугать меня и заставить заключить сделку. По правде говоря, я бы могла и отмахнуться от его предостережений, если бы уже сама не стала свидетелем того, как быстро исчезают люди на маскараде.

Если бы крики мальчика не приходили ко мне из воспоминаний ночь за ночью.

– А ты знаешь, как это все повернуть? – мягко спросила я.

– Всему свое время. – Он выпустил мою руку, и я ощутила какую-то пустоту. Странно. Он пугал меня и в тот же самый миг дарил безопасность.

– Значит, если я не заключу с вами сделку, Кривы бросят план по спасению Хагена?

– Наша сделка на севере не подразумевала такого уровня риска. Если ты хочешь, чтобы мы продолжали, тогда, как и сказала Това, с ростом риска должна вырасти и цена. Сколько ты готова заплатить? Насколько ты отчаялась?

Его голос стал жестким.

Все, что я могла отдать, – это воспоминания из костяной пыли. Сокровище, которым Кривы не смогут воспользоваться без меня. Они были ценными. Воспоминания полнились фетишами, секретами, такими вещами, за которые люди, подобные Кривам, хорошо бы заплатили, если бы это дало им власть подкупать других.

Но если я их отдам, мне придется присоединиться к Кривам. Можно сказать, я и сама стану частью оплаты.

– У меня есть воспоминания, которые я собирала на протяжении нескольких лет, – прошептала я. – Воспоминания о пороках, убийствах и секретах, и кое-кто ни за что не хотел бы, чтобы гильдия Кривов о них узнала.

Элоф склонил голову набок.

– И как, по-твоему, мы должны использовать такие воспоминания?

– Посредством моего Таланта. Он может быть полезен.

Раум заулыбался.

– Я никогда раньше не видел, как работает альвер памяти. Если честно, даже и не знал, что такие существуют.

– Мне придется... присоединиться к вам, – сказала я. – Больше никто не сможет их прочесть, но, когда я их прочту, я смогу разделить их с вами.

Троица Кривов затихла. Лишь Элоф смотрел на меня так, словно ожидал этого, словно знал гораздо больше, чем показывал.

Тишина острыми когтями царапала мне позвоночник.

Когда Това фыркнула, я чуть не вскрикнула от облегчения.

– Мы не подбираем бродяжек. – Това взглянула на своих товарищей-Кривов, будто подначивая их с ней согласиться. – Я говорю сделке «нет».

– Мне больше нечего дать. Пожалуйста. – Горячая боль запульсировала где-то в моем черепе. Измождение, страх, все разом обрушилось на меня.

– Вот оно, – сказал Элоф, злобно ухмыляясь. – Отчаяние.

Това и Раум хохотнули, и я не поняла, когда их отношение переменялось.

– Ну ладно. Незачем умолять, – сказала Това. – Но прежде, чем мы примем воспоминания в качестве оплаты, покажи нам, как это работает. Хочу убедиться, что ты не врешь.

Элоф отошел в сторонку, приглашая меня вперед.

Я потеряла шею.

– Сигурд, чтобы показать, как я делюсь воспоминаниями, могу ли я взять одно из твоих?

Он сделал удивленный вид, немного подумал, но вскоре подошел ко мне. Может, ему было любопытно, далеко ли я собиралась пойти.

– Как?

– Мне придется тебя поцеловать.

– О, стало интересно, – сказал Раум, тыкая Тovu локтем.

Сигурд прочистил горло, но возражать не стал. Я сглотнула, чтобы подавить собственную тревогу, встала на цыпочки и поцеловала его.

Сигурда целовать было вполне приятно. Чистый. Скромный. Не сопротивляется. Дым вернулся ко мне в голову, вылепляя и выстраивая фигуры, рисуя более четкие образы тихих вздохов, сапфирового ожерелья, одежды, грудой лежащей на полу, запаха кожи и ритмичных движений.

Я хитро улыбнулась.

– Сигурд, ну ты и прохвост. Интересно, что случится, узнай муж Леди Эштон о вашей интрижке.

– Разрази меня гром, – на лице Сигурда проступило изумление. – Что ты сделала? Я все еще... ну, может, я и не могу больше этого вспомнить.

– Остался лишь проблеск воспоминания. Я забрала все остальное, – я нахмурилась и посмотрела на Элофа. В Доме Штроров я хотела его, боялась его, и все же он дарил мне странный покой. – Ты, похоже, главный на этой встрече. Если хочешь посмотреть воспоминание Сигурда, то я должна с тобой проделать то же самое.

Его челюсть напряглась, а все тело застыло, как будто от этой мысли ему стало противно. Я старалась сохранять спокойствие, пыталась не реагировать. Он ничего для меня не значил, так что неважно, противно ему или нет представлять свои губы на моих.

– Только покажешь это, – отрезал он спустя долгое время. – Даже не думай заглянуть мне в голову, или я прирежу тебя на месте.

– Твоя голова – не такое место, куда бы я пошла по доброй воле, уверяю.

Встав лицом ко мне, Элоф удерживал мой взгляд всего мгновение, прежде чем я закрыла глаза, готовясь сделать то, что собиралась. Я поцеловала его.

Его губы были теплыми, завлекающими. Жаркая волна прокатилась по моему животу. Пекло. Такой человек, как он, не должен пробуждать подобного.

Дым и пепел снова за клубились в моей голове, но на этот раз завитки сплелись вокруг непристойного момента Сигурда с леди Эштон. Словно холодный ветер заполнил мою голову, образы сдувало прочь, пока не осталось ничего, кроме темного, бесформенного тумана.

Мое дыхание смешалось с дыханием Элофа. Медленным. Нежным. Я выдохнула воспоминание ему на язык. Когда я не могла уже выдохнуть ничего больше, я отстранилась. В груди расцвело непрощеное нежелание делать это. Я спрятала его за гневным прищуренным взглядом.

Глаза Элофа распахнулись. Прошло лишь несколько мгновений, прежде чем один уголок его рта приподнялся. Он повернулся к двум другим Кривам.

– Я это отчетливо вижу.

– Боги, подумай, какие секреты ты бы могла распространять, лапочка, – сказал Раум, ткнув в меня так же, как и в Тову. Как будто мы были закадычные приятели, а он совсем не приводил меня в ужас.

– Мой месмер странный и пугающий, – сказала я. – Я вам доверила его секрет.

Элоф ничего не добавил, лишь неустанно снимал с меня кожу своим взглядом. Мое внимание переползло на его губы, и я немного себя возненавидела за то, что вообразила, как снова их касаюсь.

– Это значит, ты из этих аномальщиков, да? – спросил Сигурд. – Я немного знаю об альверах. У меня тетя из медичких, у нее небольшая лечебная лавочка под Литеном.

– А, – только и сказала я. Альвер-лекарь не вполне то же самое, что непонятный, странный альвер-аномальщик.

Медицие альверы были врачами. Эликсирчики были талантливыми алхимиками. Рифтеры были жуткими разрушителями. Убийцами. А вот альверы-профетики и гипнотики играли в игры с разумом посредством иллюзий или странных чувств. Они по-своему пугали. Аномальщики же были дворняжками. Помесью разных талантов, которых обычно боялись больше, чем всех остальных.

– Интересный у тебя месмер, – сказала Това. – Но если о нем прознает Ивар, ты станешь для нас скорее риском, чем полезным ресурсом.

– Но разве можно игнорировать потенциал такого таланта? – возразил Элоф.

– И если у нее есть воспоминания с секретами, которыми она может поделиться, то что ж, я бы хотел, чтобы именно мы получили эти секреты, – сказал Раум.

Элоф присел на край стола Сигурда.

– И где находятся эти украденные воспоминания, дэнникс?

– Я их спрятала. – В крови закипело возбуждение. Они мне помогут. Я верну Хагена. А когда все закончится, они, возможно, даже станут мне доверять настолько, что помогут найти Кейза. – В Доме Штормов.

– Где?

– Я вам не скажу. – Я сложила руки на груди, ограждаясь от них. – Ну, что решили? Этого достаточно?

– Мы не завтра с этим покончим, – сказала Това. – Это как внутренности часов: каждая шестеренка, каждый винтик должны работать, чтобы стрелки вращались. А ты в нашем мире не шестеренка.

– Я ей стану.

Элоф покачал головой.

– Ты не знаешь, о чем просишь.

– А вы не знаете, на что я могу пойти, на что уже пошла, чтобы отыскать людей, которых люблю.

– И то верно. – Он взглянул на своих товарищей-Кривов: – Ну что?

– Мы берем к себе того, с кем заключили сделку, и планируем ограбить Маскарад Аски, – сказала Това. – Мы ведь это делаем, так? Я правильно понимаю это безумие?

– Да, – сказал Элоф, не меняя выражения лица.

Това кивнула и взяла еще конфету.

– Ну, значит, все понятно. Делай как хочешь, но решай скорее. Я проголодалась и хочу уйти.

– Раум? – продолжил Элоф.

Раум пожал плечами.

– Я за. Я всегда за.

– Ну ладно. – Что-то в голосе Элофа заставило волосы у меня на загривке встать дыбом. Как будто он знал что-то неведомое мне и теперь я угодила прямиком в его ловушку. – Как ты и хотела, добро пожаловать к Кривам.

Глава 8

Воровка памяти

Раум и Това сидели на корточках рядом со мной в садах Штормов.

– Ну вот, лапочка, – сказал Раум. Он уже столько раз назвал меня лапочкой, что я засомневалась, а запомнил ли он вообще мое имя? – Вот мы и здесь. Лучше бы тебе нам не врать.

– Не вру. – Я вспомнила предупреждение Сигурда о том, что нужно быть изобретательнее Кривов. Мне придется быть хитрой. Давать не больше, чем получу, но в любом случае нужно помнить, что они – гильдия Повелителя теней. Остаться с Кривыми значило встретиться вживую с треклятым призраком, которого все боялись.

До полуночи мы просидели у Сигурда. Планировали, отдыхали и не доверяли друг другу. Где-то посреди ночи Това швырнула мне тунику и штаны. Я не знала, откуда она взяла одежду, но в ней я была больше похожа на Крива.

Элоф ушел, чтобы привести еще членов гильдии, а меня оставили на попечении Раума и Тобы. Лесными тропами мы вернулись к Дому Штормов. Если гильдия хотела, чтобы я им заплатила, то мне понадобятся воспоминания.

Я не вернусь в Дом Штормов. Что-то внутри подсказывало мне, что это моя последняя ночь здесь, так что, добавив риска, я решила прихватить кое-что для новой жизни. Куда бы она меня ни завела.

Проблема с моим планом была в том, что лучшие припасы лежали в длинном доме. Там, где мне были не рады.

Това появилась из темноты меж двух рябин и натянула капюшон на голову.

– Ты что так долго?

– Ничего. Встретимся возле конюшни.

– Поспеши, – отрезала она.

Раум игриво мне подмигнул, а затем исчез следом за Товой в тенях. Я побежала по засыпанной галькой подъездной дорожке к боковой двери, которой пользовались слуги. Два массивных прислужника стояли возле ямы для костра в двадцати шагах от меня, грея руки, смеясь и охраняя владения Штормов.

Я укрылась за пахучей живой изгородью, пусть даже они бы ничего такого и не подумали, увидев мое лицо.

Странно было шнырять, как воришка, по земле, на которой я работала годами. Но Черный Дворец следил за Домом Штроров.

Элоф мог быть прав. Я сгруппировалась и привлекла к себе внимание прямо перед скидгардами, забирающими альвера на маскарад. Не говоря уж о том, что несколько последних лет я бездумно пользовалась месмером.

Скорее всего, это лишь вопрос времени, когда Лорд Магнат обнаружит, что у падчерицы на сеновале сил было больше, чем у сына Штрома, которого они захватили. Он выместит свое раздражение на всем имении.

Ради семьи, которой до меня и дела-то не было, мне придется исчезнуть навсегда.

Я и не думала, что мне будет так больно. Слово горячий нож вырезало мое сердце.

Когда слуги отвернулись, чтобы подбросить еще веток в свой небольшой костерок, я поспешила к двери и шагнула внутрь.

В узком коридоре было тепло из-за соснового дыма, задуваемого сюда от камина в большой комнате. Пахло ужином: жареный угорь и морковь в масле с пастернаком – от этого мои внутренности жалобно заурчали.

Каждый коридор в доме вел в большую комнату. Плетеные стулья окружали дубовый стол в центре, всегда уставленный серебряными тарелками и кувшинами вина. Каменный камин доходил до потолка; пламя лизало тяжелый вертел в центре, на котором каждый день жарили мясо.

Я схватила кожаную сумку, которую слуги использовали, собирая корни и овощи, и наполнила ее несколькими булочками, вяленой рыбой и бутылку сладкого эля, который так любил Бард.

При звуке шагов я поспешила к узкому закутку, забитому меховыми плащами, шерстяными капюшонами и накидками. Я брала, что могла. Шерстяной плащ и туника, меховая накидка и кожаные перчатки на то время, когда придут морозы.

Рука коснулась гладкой полированной поверхности ясеновой шкатулки отчима, которую он прятал на дальней полке.

Без сомнений, шкатулка набита пенге. Я облизала губы. Нет, я не могла. Но, опять же, как мне начать все заново, не имея ни медяка за душой?

Мои руки дрожали, когда я вытаскивала тонкую отмычку из рыбьей косточки из своей косы.

Три года назад я рискнула отправиться к городским лачугам, где за пару пенге карманники с радостью обучили девчонку вскрывать замки. Я чувствовала трепет, ощущая задвижки, рычаги, механизмы – и переходя запретные границы.

Придется сейчас продвигаться на ощупь. Любой свет станет слишком большим риском. Я затаила дыхание, пока руки не перестали дрожать, затем просунула рыбью косточку в замочную скважину.

Два вдоха. Три.

Замок щелкнул.

Не теряя времени, я подняла крышку.

О, небеса. Стопки бумажных пенге, мешочки монет, драгоценные камни, нефрит, слоновья кость – и эта небольшая сокровищница лежала прямо передо мной. Наверное, половина попала сюда из сундуков Маск ав Аска. Ничто не мешало мне отсыпать немного себе.

Да простят меня боги.

Тихими, быстрыми руками я закопалась в богатство, взяв несколько стопок пенге и один мешочек с монетами. Удерживая сумку под мышкой, я покинула закуток и поспешила к боковой двери, ведущей к конюшне. Я воспользовалась тенью от деревьев, чтобы укрыться от слуг, которые могли бы заметить меня. Или хуже – от Барда или Йенса.

Возле конюшни Раум и Това скрючились за бочкой с водой, поднявшись лишь когда я показалась.

– Готова? – спросил Раум.

– Почти. Еще пара вещей – и можем идти. – Мне все еще нужно было забрать воспоминания, но я не хотела давать им понять, как близко к ним они стояли. Даже если они не смогут их использовать, от одной мысли о том, что моя костяная пыль окажется в чужих руках, у меня все внутри тошнотворно переворачивалось.

Кривы остались снаружи, а я взобралась по лестнице. На сеновале мало что было моего. Несколько туник, пара штанов, одна поношенная юбка для ежегодного праздника Юля⁵ и Асгер. Я спрятала мягкую лошадку и одежду в сумку, под пенге. Пекло, если Кривы когда-нибудь узнают, что я сбежала из дома, прихватив детскую игрушку, они меня, наверное, зашвырнут в Вой, решив, что я слишком безумна, чтобы иметь со мной дело.

Я выскользнула через заднюю дверь конюшни, еще раз проверив, что Това и Раум не идут за мной. Уже собрались ночные холодные и густые туманы, когда я присела возле большой кормушки. Тяжелый серый камень охранял яму под ней. Я упала на колени и откатила камень в сторону.

Я не хотела рисковать, пряча их на сеновале. Не тогда, когда день за днем там разгуливают слуги.

Утра были сырыми, и приближались дожди, так что почва раскисла и проглотила то, что я спрятала. Я раскапывала грязь и шелковистую глину, пока мои пальцы не сомкнулись вокруг скользкого уголка сосновой шкатулки с памятью.

Но, когда я подняла крышку, по костям пробежал мороз. Где мои флаконы? Я вновь отчаянно принялась раскапывать сырую землю, пытаюсь их найти. Ничего.

Горло сдавило, но мне недолго пришлось бояться, прежде чем злые руки схватили меня за шиворот.

Я хрипло вскрикнула, когда Бард отшвырнул меня прочь от кормушки в кучу грязи и глины.

– Не это ищешь, Малин? – Лицо моего сводного брата было настороженным, но уголки губ чуть подрагивали. Рядом с ним стояли трое скидгардов Черного Дворца с мечами наготове.

– Бард, – я поморщилась, когда он поднял вверх корзинку, набитую флаконами с костяной пылью. – Это мое.

Бард умел оставаться спокойным, отстраненным и пугающе безразличным к чему бы то ни было.

– К сожалению, после ареста Хагена Лорд Магнат счел разумным проверить нашу территорию на наличие подозрительных вещей. Боюсь, кое-какие хитрые зелья от его эликсирщиков нашли здесь странный месмер.

– Это просто пепел. – Я взмолилась к богам, которые никогда не прислушивались к таким, как я, молилась, чтобы у Барда в сердце нашлась хоть капля человечности. Если скидгарды узнают, что я умею, то исполню свое первое желание – присоединюсь к Хагену в недрах Маск ав Аска.

– Ложь тебе не поможет. – Бард решительно выдвинул челюсть. – Они раскусили твой замысел. Крадешь у аномальщиков? А-та-та, маленькая мышка.

О чем это он? Бард знал, что я не крада их у других альверов. Он что, покрывал меня и одновременно сдавал властям?

Когда я не ответила, Бард разразился хриплым, задыхающимся смехом.

– Кто бы знал, что у меня такие дрянные брат с сестрой. Я лично вычеркну вас обоих из саг Дома Штроров.

⁵ Jul (норв.) – Рождество.

– Бард, пожалуйста. – Я потянулась к нему, но скидгард оказался быстрее. Дыхание застряло в горле, когда его тяжелый сапог врезался мне в ребра.

Я завалилась на плечо, пытаясь сделать вдох, когда другой стражник схватил меня за волосы.

– Нет! – воскликнула я, когда белая, горячая боль разлилась по боку. – Бард, пожалуйста! Я могу ему помочь, я могу спасти его. Не делай этого.

– А я ничего и не делал. Если бы делал, значит, был бы вовлечен в какие-то планы, а не оставлен в треклятом неведении.

С обиженным взглядом Бард уронил корзинку с флаконами и отвернулся, бросая меня узнавать свою судьбу от скидгардов.

– Как незарегистрированный альвер, вы обязаны предстать перед вашим Лордом Магнатом Иваром, – сказал один стражник, протянув ко мне руку.

– Нет! – Меня превратят в монстра. Я не знала, как Ивар это делал, но альверы Черного Дворца служили лишь Лорду Магнату.

Они жили ради него. Убивали ради него.

Скидгард вновь меня пнул, заглушая мои крики.

Я подумала о Кривых. Они все равно пойдут за Хагеном, если найдут мой труп? Я могла бы умолять их привести моего отчима, но, когда один из скидгардов начал сковывать мне руки за спиной, я была словно камень, твердая и холодная. Ненависть ослепляла. К богам. К судьбе. К самой себе.

С передней стороны конюшни донесся грохот. Звук распахнувшихся дверей, затем хруст от шагов по гравию. Обычные звуки, но они привлекли внимание скидгардов. Один из них пошел заглянуть за угол конюшни; вдох спустя он закричал в агонии, повалившись на землю.

Двое других бросили меня и поспешили к своему спутнику.

Прежде чем успела задуматься, я подхватила корзинку с флаконами и вскочила на ноги. Я побежала к передней части конюшни, но запнулась, когда еще два скидгарда материализовались из длинного дома.

Я проигнорировала требование остановиться, когда один из скидгардов вспомнил, что у них есть пленница. Когда я снова оказалась у кормушки, немой крик застыл у меня в горле.

Трое скидгардов, пришедших с Бардом, растянулись в грязи, извернутые под странными углами. Шеи в крови.

Раум, Това и третий Крив, которого я не знала, нависли над телами; на их ножах темные пятна, на лбах пот.

Това на полвдоха задержала на мне взгляд. Я не могла пошевелиться.

Когда новый скидгард за моей спиной выкрикнул предупреждение, пауза в хаосе окончилась.

Вновь подняв клинки, Кривы темной волной бросились в атаку.

Глава 9

Повелитель теней

– Скидгарды разбросаны по всему поместью. Думаешь, они ее ждали? – спросил Вали. Он все наклонял голову то на один бок, то на другой, звуки явно сыпались на него со всех сторон.

Так же, как Раум мог видеть на нечеловеческие расстояния, Вали мог за лиги слышать легчайший вздох, когда использовал свой месмер чувств.

Скидгарды и правда были повсюду.

Я не планировал такого сражения, но подобное случалось всякий раз, когда дело касалось Черного Дворца и маскарада. Я пришел через считанные мгновения после того, как она покинула чердак, за считанные мгновения до того, как стража напала.

Теперь нужно побыстрее покончить с этим.

Я натянул черный капюшон на голову.

– Я не сомневаюсь, что каждый стражник поджидал ее с того самого момента, как они обнаружили те флаконы.

Простым жестом я дал сигнал Вали и остальной гильдии покинуть сеновал и захватить земли Штормов. Несомненно, всегда был какой-то извращенный азарт в мысли о том, чтобы прирезать парочку скидгардов.

Но избежать столкновения с ней я хотел сильнее, чем кровопролития и сломанных костей.

После этого между нами больше не останется ни барьеров, ни иллюзий, а я все еще не имел понятия, как с этим справиться.

Огонь злости горел в моей груди, под поверхностью жил постоянный жар презрения и страха.

Мне не очень-то нравилось, когда раскачивали фундамент моей жизни, а ее присутствие среди нас явно сдвинет все со своих мест.

Другого выбора не было; я потерял бдительность, втянул ее в это и заключил сделку. Желал я того или нет, но сделку я буду уважать. Она присоединится к нам, и в течение ближайших недель Повелитель теней будет частью ее существования.

Только Повелитель теней. Я не буду кем-то другим. Неважно, какие еще имена она узнает.

Я раскрыл ладони и призвал вокруг себя тьму, как плащ, сотканный из ночи. Мои глаза скользили от закрытого на задвижку окна к стеганым одеялам, аккуратно сложенным на сене, затем к кривому столику с полками, сделанному из обломков досок и ржавых гвоздей.

Зарождающаяся улыбка без спросу пробралась на мои губы, когда я провел пальцами по поверхности. Я неделю строил эту гадскую штуковину.

Крик, раздавшийся на улице, оторвал мой взгляд от жалкой полки.

Тьма накрыла мои глаза, как старый друг. По правде говоря, я был создан для пугающих вещей.

Я расправил плечи и покинул чердак.

На улице я вдохнул холодный воздух, сдобренный медным намеком на кровь, солью от пота, мерзкой вонью мочи в тот момент, когда скидгарды столкнулись с Кривами.

Гильдия Кривов была небольшой, но, несмотря на малочисленность, мы знали, как убивать с кровожадным величием. Каждый Крив имел при себе клинки, острее которых не бывает, а у передних ворот маленькая Ханна и ее брат Эш стучали в сыромятные барабаны, на которых изображен дуб богов. Оба одеты в черное с неровными линиями зеленой боевой раскраски и черной сурьмой над глазами.

Эш поднял кверху свое залитое лунным светом бледное лицо, отыскав меня взглядом, когда я шагнул в сад.

– Бьемся до конца! – крикнул он.

Я ответил, ударив кулаком в сердце. Эш хотел присоединиться к битве, но ему было всего тринадцать, так что лучше оставить его в тылу. Единственный способ убедить мальчишку – это поручить ему задачу уберечь его маленькую сестру.

Эш всегда будет выбирать Ханну.

Вопли и крики умирающих стражей растворялись в гипнотизирующем бое барабанов и восторженных движениях Кривов.

Я потерял Раума и Тову из виду, они скрывались где-то среди мечей, разрезающих тела, скорее всего, проводя ее через битву.

Мне не нужно было искать ее, не нужно было следить за тем, что ее выведут. Кривы сами могли это сделать, да и подходили для такой задачи лучше. Я уже один раз отвлекся. Второго быть не должно.

Я потерял счет тому, сколько стражей запачкало кровью траву, прежде чем воздух переменялся. Похолодел, стал чуточку резче. От ворот, ведущих в сад, расплзалась тьма. Пьянящая, осязаемая.

Горько-сладкий вкус магии ощущался глубоко на моем языке. Каждый вдох втягивал прохладу теней.

Не было ничего красивого в месмере страха. Он упивался самыми слабыми моментами жизни людей. Из тех моментов, когда сердце замирало, когда адреналин наполнял кровь, я забирал страхи и выворачивал их.

Сегодня на землях Штормов жило достаточно ужаса, чтобы питать мои силы до самого рассвета.

Мысленно я вообразил скидгардов, затем велел тени обернуться вокруг них. Страх смерти даст мне силу ломать тела, но одна промашка – и я могу ударить не по той стороне.

Вот в чем была проблема со страхом. Он был повсюду.

В Кривах, в слугах, в стражниках. Чтобы разобраться, где чей, требовалось больше энергии, чем чтобы использовать месмер.

К тому моменту, как я сплел тени только вокруг скидгардов, затылок загудел от боли.

В следующее мгновение стражи с каким-то жалким отчаянием схватились за собственные шеи, когда я обернул их своей жестокой магией. Для невооруженного глаза вокруг их шей ничего не было, ничто не душило их, лишь ночь и кровь. Но внутри их сковал страх, и я превратил его в оружие.

– Боги, – голос привлек мое внимание к кромке сада.

Возле одной из каменных стен, бегущих вдоль сада, она стояла и смотрела на меня, прикрыв рот рукой. Эти огненные волосы прилипли к влажному лбу, эти острые глаза цвета морской зелени широко распахнуты и полны ужаса.

- Твои волосы похожи на закат, Малли.
- А твои на грязь. Но на хорошую.
- Что такое, пекло тебя побери, хорошая грязь?
- Ты узнаешь ее, когда увидишь, Кейз. Но она есть.
- Просто есть.

Проклятье. Я сморгнул картинку из прошлого. Краткое напоминание о том, что весь этот план – отчаянно дурацкая затея.

Оттуда, где она стояла, исходила сильная смесь страха и заинтригованности, которые сбили мой фокус достаточно, чтобы некоторые задыхающиеся скидгарды с облегчением повалились на землю, когда мой месмер отступил.

Она обняла себя за живот и отвернулась от меня, как будто моя тьма могла ее поглотить. Она и поглотит, если подберется слишком близко. Я этого не допущу. Ради нее или ради себя самого – я не знал, но этот конфликт желания обладать ею и противостояния ей начинал меня утомлять.

Я опустил голову, убеждаясь, что капюшон скрывает мои черты. Я поднял руку, и скидгарды вновь принялись задыхаться и расцарапывать свои лица.

Я сжал кулак.

Звук ломающихся шей был жутким.

Малин сложилась пополам, и ее вырвало, когда стражник в пяти шагах от нее замер, все его тело изогнуто и изломано. Тьма поползла прочь, как змеи в траве, и оставила тонкую струйку крови, вытекающую изо рта мертвого стражника.

Това ухватила ее под руку.

– Ты ранена?

– Нет. – Дыхание Малин вырывалось резкими неглубокими вздохами, глаза с ужасом глядели на меня. – Повелитель теней.

Кровь застучала у меня в голове. Она боялась меня, и я должен этого хотеть. Но я не мог отрицать того, что эта мысль приносила мне боль.

Двери длинного дома ударили о стены, когда растрепанный и полуодетый Йенс Штром выбежал на улицу. Судя по тому, как он оглядел кровавое поле брани, тьму и Кривов, ему, очевидно, на протяжении долгого времени не давали вмешиваться, в итоге позволив выйти, лишь когда все в его владениях перевернулось вверх дном.

– Линкс, – самый крупный член гильдии поспешил ко мне. – Возьми на себя женщину. Мы уходим.

Линкс был не из разговорчивых. По правде говоря, подо всей этой горой мышц прятался человек, который проводил значительную часть времени в книгах а также в размышлениях о звездах, их формировании и о том, как вращался наш мир, как в морях смещались течения.

Он был любителем загадок, поэтом. Но в то же время и зверем.

– Стойте! – закричал Йенс.

Малин резко обернулась на звук его голоса, но Линкс уже добрался до нее.

Одна из его широких ладоней накрыла все ее лицо. Через два вдоха она обмякла в его руках. Его способность успокаивать тело и погружать его в сон была полезной и, как мне думалось, могла использоваться и для жутких дел, приложи он достаточно сил.

Прозвучал свист, и барабаны Эша и Ханны заиграли новую мелодию, подавая знак, что наше время здесь подошло к концу.

Собрав остаток сил, я оттянул тени с ветвей деревьев, а также из уголков сада и леса, после чего сгустил те вокруг Кривов, чтобы спрятать их.

– Нет! – снова закричал Йенс, когда Линкс растворился в темноте с его падчерицей. Я, как всегда, должен был уйти последним, дабы убедиться, что гильдия Кривов благополучно ушла с поля битвы. В глазах Йенса было что-то дикое, когда он встретился со мной взглядом. Не думаю, что он мог толком меня разглядеть, но он знал, кто смотрит на него в ответ. Его плечи поникли, будто признавая поражение.

– Верни ее, и я ее спрячу.

– У тебя был шанс, и ты провалился.

– Зачем ты делаешь это?

Мои губы растянулись в злобной усмешке.

– Потому что всегда держу слово.

Дом Штормов был укрыт ночью. Ни единого огонька свечи не было видно, когда я исчез вместе со своей гильдией. Прошлое было у меня за спиной... и впереди.

Глава 10

Воровка памяти

Мой череп вопил, как будто огонь растапливал кость. Из-за неустанного покачивания моя голова моталась туда и обратно.

Один глаз приоткрылся. Я лежала в маленькой телеге. Солнечный свет над головой пробивался через завесу темных листьев. С ветвей свисали запутанные пряди мха, а из кустов доносились крики неизвестных существ.

Кривы приткнули меня рядом с несколькими мечами, завернутыми в мех, все их края были покрыты чем-то мокрым. Когда я попыталась шевельнуться, мои конечности будто налились сталью, а мерзкие и вонючие штаны прилипли к ногам.

Плотный удушливый воздух намекнул, что мы покинули основные поселения и углубились в Лес Лимериков, своеобразные джунгли из вечнозеленых деревьев и папоротников. Легенды одарили эти деревья историями о водных духах, что заманивали путников навстречу смерти в реках и озерах, и о зверях с клыками длиннее моих пальцев, готовыми ломать кости.

С одной стороны от телеги ровным шагом шла Това, а спереди – массивный Крив, тянущий телегу. Именно он ранее и положил мне руку на лицо.

Где Повелитель теней? Из них всех я бы больше всего хотела знать, где находится этот жестокий человек. Те тени...

Я помотала головой, как будто так могла стереть воспоминание о том, как скидгарды изогнулись и сломались, стоило Повелителю теней лишь наклонить голову. Как ему удавалось так повелевать тьмой? Такого месмера я никогда раньше не видела и, по правде говоря, не была уверена, что хотела бы увидеть вновь.

Он был жестоким. Ужасающим.

Он был совершенным.

Когда я снова увижу грозного Повелителя теней, мне придется скрывать быстрое биение пульса. Именно такой человек и нужен, чтобы выследить пропавшего альвера на маскараде.

– Как себя чувствуешь? – спросила Това, заглядывая через борт телеги.

В центре груди узлом затянулось немного страха и раздражения.

– Как будто у меня в голове факел зажгли.

– Наверное, потому, что Линкс зачаровал тебя, – сказала она, совершенно не тронутая едкостью моего ответа. – Убедил твой мозг, что тот спит, чтобы ты не шумела, пока мы отсту-

паем. Он, конечно, полезный, но месмер гипнотиков жжет раскаленным ножом, когда выветривается.

Я взглянула на крупного Крива, тянущего телегу.

– А он гипнотик?

– А кто же еще?

Каким это клятым образом я могла бы узнать хоть что-то о Рыси из Кривов, чтобы составить мнение о том, кем или чем он мог бы быть?

– Това, – сказал Линкс, остановив телегу. – Мы дома, но поговорить придется сразу.

Това промывчала веселую народную песенку, протянув ко мне руку. Ее манерность была почти игривой, что несколько поколебало мои прежние представления об этой женщине. Но она была суровой, резкой, и я была уверена, что она меня ненавидела.

Я отстранилась, но во второй раз она все же схватила мою руку, и меня тут же выдернули из задней части телеги.

Мой мозг вращался. Там, где была твердая земля, я вдруг свалилась во влажную яму, с каждым шагом скользя все сильнее.

Клинки разрубали ветви, роса брызгала мне на лицо. Ежевика, лозы и густые заросли путались вокруг моих лодыжек, оставляя царапины, пока я продиралась через кусты. Легкий намек на морскую соль наполнил воздух влажным жаром, и тот покрыл мой язык шелковистостью цветов, растущих поблизости.

Когда земля выровнялась, мои ноги уже тряслись оттого, что долго шли под горку, но Това не дала мне передохнуть.

За деревьями скрывался поросший растительностью мост. Сухие плети плюща скрывали его форму от любого, кто не знал, чего искать. Раум прошел мимо меня, подмигнув, и раздвинул заросли ежевики перед входом в тоннель в конце моста. Он был затхлый и сырой, и эхо разносилось по нему, словно внутри колодца с водой.

Когда вновь появился свет, тоннель вывел нас к городу. Или к тому, что от него осталось.

Старые грунтовки и разваливающиеся дома, когда-то выстроенные из дерева и глины, тянулись вдоль затененных деревьями улиц.

– Что это?

– Мы зовем его Фельстад, – сказала Това. – Это значит «убежище».

В груди разросся холод. Это был их мир. Здесь я полностью полагалась на их милость, и если они и пожелают меня убить, то кто об этом узнает?

Я запрятала страх внутри, чтобы попытаться хотя бы скрыть правду от Кривов, прежде чем они смогут воспользоваться моей слабостью.

В конце дорожки над заброшенным городком возвышалось разрушенное массивное строение из черного камня. Древняя крыша провалилась, позволяя небольшому лесу вырасти внутри. Деревья росли вверх, сплетаясь между собой, и яркие птицы с длинными хвостовыми перьями гнездились в ветвях за его стенами.

В моем воображении гильдия Кривов жила в сырой яме, окруженной гнилью. Они ели змей и ткачей паутины или, может, кости.

Когда Това выпустила мою руку в центре разрушенного двора, я подняла лицо к солнцу. Меж деревьев порхали бабочки с золотыми крыльями, и сладкоголосые певчие птицы приветствовали нас в этом убежище. Никаких костей и ткачей паутины; укрытие Кривов было прекрасным.

Яркое пятно в моем море страха.

Старые коридоры сетью тянулись из внутренностей руин в темные проходы и альковы. Наверху, среди деревьев, виднелись остатки обрушившихся перекрытий, когда-то бывшие частью верхних этажей. Несколько Кривов сидели на краю, болтая ногами.

Все Кривы, пришедшие с телегой, подошли к стойке и сбросили оружие в кучу, это выглядело разом организовано и хаотично. Това смеялась вместе с тремя другими, когда они снимали ножны, луки и мечи. Тощий мальчик потянулся за мечом Раума, и я узнала его: он бил в боевые барабаны.

– Семь, – сосчитал мальчик. Темные волосы, темные ресницы, темная одежда контрастировали с его бледным лицом. Он взял каждый клинок и разложил их по размеру и виду. Мгновение спустя мальчик покачал головой и методично хрустнул каждым пальцем. – Нет, нет, у нас восемь ножей-серпов, – он указал на полку с устрашающе изогнутыми ножами. – Их только семь. Только семь.

Това щелкнула пальцами.

– Прости, Эш. Погоди, – она задрала штанину и вытащила нож из ножен на голени.

Мальчик с облегчением вздохнул и аккуратно положил нож рядом с остальными, дважды их пересчитав.

– Знаешь, ножи-серпы очень полезны в садоводстве, лучше всего подходят для терновника и крапивы, если ты не хочешь на них напороться. Но в бою они могут вывернуть все внутренности еще до того, как ты разрежешь живот. Ну, если правильно прицелишься.

Мальчик вывалил эту информацию, хотя мне не показалось, что кто-то по-настоящему его слушал. Казалось, ему все равно.

Ко мне подошла Това.

– Пора идти. Нам нужны планы разрабатывать.

В одном из узких коридоров к нам снова присоединился Раум. Он смеялся над чем-то вместе с Линксом и Кривом с темной кожей и пирсингом брови, как у жителей региона Хемлиг.

– Это Вали, – сказала Това. – Если заставишь его улыбнуться, ты меня удивишь.

Вали в ответ лишь сильнее нахмурился.

Това развернула меня за плечи и указала на другого Крива, с волосами черными, как вороново крыло.

– Фиске, – сказала она. Фиске забросил руку на плечи подтянутого рыжеволосого мужчины, который что-то говорил ему на ухо. – Рыжий – Исак.

Това продолжала, как будто я всю ночь ждала момента, когда смогу узнать, как зовут каждого Крива.

Внутри коридора над дверями свалывшейся сетью висел мох. Там были винтовые лестницы, а на каменных стенах вырезаны изображения дуба богов и воронов богов.

– А где Элоф? – спросила я, сама не знаю почему. Чтобы рядом был кто-то знакомый, наверное.

– Уже снаружи, – ответил Раум, бегом догнав нас; Вали последовал за ним. – Пройдем? Я хотел стоять в первых рядах, чтобы увидеть твое лицо, когда ты встретишься с Повелителем теней.

– Погоди, – сказала я. Кровь суматошными волнами билась у меня в голове. – Та тьма, что он навлек, – что за альвер Повелитель теней? В смысле, во что я тут ввязываюсь?

– А какая разница? – спросил Раум. – Альверы есть альверы.

– Ну не скажи.

Его улыбка увяла.

– А, так у тебя предубеждения против других родов. Ну что ж, может, он гипнотик, а может, рифтер, а может, злоносец. Наслаждайся загадкой.

Я его разозлила и тут же решила, что улыбающийся Раум мне нравится больше.

Но он пытался меня напугать, потому что злоносного месмера не существует. Миф наверняка. Чистое зло и тьма не могут ужиться в одном человеке.

– Он убьет меня? – Мой голос прозвучал сдавленным шепотом.

– Ты наняла его гильдию, но из-за его месмера предполагаешь, что он страшнее преисподней? – Раум шлепнул ладонью о стену возле моей головы. – Забавно, что ты всех здесь считаешь монстрами, когда у самой вон какая извращенная магия. Не забывай, лапочка, ты просила, чтобы мы тебя сюда привезли.

Он клацнул зубами и пошел вперед.

– Хорошее начало, – пробормотала Това и потащила меня через дверь на встречу с человеком, который умертвил дюжину людей одними лишь тенями.

Глава 11

Воровка памяти

Деревья и кусты на улице были унизаны мокрыми от росы цветами, а трава была такой мягкой, что на ней можно спать. Раум повел нас по петле вокруг ручья. Я жуть как хотела пить, а моя грязная кожа стонала, пока мы шли мимо.

Лозы увивали крошащиеся кирпичи и колонны, скрытые под листьями. Я резко вздохнула, когда мы приблизились, потому что на камнях сидел Повелитель теней.

Вот только он больше не прятался под накидкой. Я отчетливо видела его лицо.

– Элоф? – Это было неправильно. Я видела Повелителя теней. Я работала рядом с Элофом. Этого... этого не может быть.

– Дэнникс. – Бледные глаза Элофа осмотрели меня, но в его улыбке сейчас не было ничего доброго.

– Т-ты... – Клятые боги, я была заикающейся душой.

– Да, – закончил он за меня. – Может, я кое-что и утаил. Я, в конце концов, очень закрытый человек.

Элоф облокотился о камни. В воздухе собрался холод, как будто северный ветер поднялся и прорезал мою плоть насквозь до самых костей. Одно лишь движение его руки перед лицом – и тень Принца Фелла растворилась.

Кожа поменялась. Его волосы превратились в темные волны с парой тонких, украшенных черными бусинами косичек. Его неровная борода превратилась в более густую щетину, которую я видела прошлой ночью. Руны и линии покрывали его лицо, но самой тревожной переменной были его глаза. Тот невозможный синий теперь стал черными, блестящими чернилами.

Я раньше встречала людей с темными глазами, но это были не обычные черные глаза. Я не сомневалась, что его черты скрывала иллюзия.

– Хитрый трюк, скажи? – прошептала Това.

Нет. Вовсе не хитрый. Я не понимала. Меня бесило, что его лицо больше походило на Кейза, чем на Принца Фелла. От всех этих открытий к горлу подступила неприятная кислота.

Мои ладони сжали голову.

– И все это время ты... был иллюзией?

Я сказала это скорее для себя, но Элоф – Повелитель теней – ответил, его голос звучал с новым глубоким придыханием:

– Иллюзии могут быть весьма полезны. Похоже, люди доверяли Элофу больше, чем... – Он помолчал, затем чуть самодовольно ухмыльнулся. – Мне.

В пекло богов. Да будут прокляты Кривы. Месяцами – почти целый год – они были в моей жизни, плетя интриги и составляя планы. В голове проносились все те разы, что я дразнила Повелителя теней.

Мой разум не мог принять того, что мужчина, оттащивший меня от скидгардов в Доме Штормов, был злодеем. Вором. Убийцей.

Он злился, что я помешала ему перехватить Хагена.

Так почему я была жива?

Я подняла глаза на эти две чернильные бездны на его лице. Наверное, он какой-то извращенный гипнотик.

– Идеально, – сказал Раум, высокомерно хлопая. – Чудесно. Именно такую реакцию я и надеялся увидеть. Как я люблю хорошее разоблачение.

Он тыкал Вали локтем под ребра, пока его товарищ-Крив не выдал полуулыбку.

Из-за булыжников выглянул второй ребенок, маленькая девочка-барабанщица. На ее костлявые плечики спадали две косички, и она смотрела на меня большими глазами цвета морской пены.

Молодой Крив, который считал ножи, подскочил и встал рядом с Повелителем теней. Спустя мгновение девочка сделала несколько решительных жестов пальцами. Мальчик смотрел не моргая, затем кивнул.

Она не сказала ни слова, но они с мальчиком явно разговаривали.

Под молчаливым, неумолимым и изучающим взглядом Повелителя теней я осторожно пересчитывала Кривов, чуть заметно двигая головой. Они надурили меня. Знали меня с самого начала. Прятались прямо на виду, а я была душой, которая пошла их искать.

Повелитель теней под личиной Элофа затащил меня в их мир. Он не случайно упомянул тогда Кривов. Он хотел, чтобы я оказалась здесь, и я была полна решимости выяснить почему. Я не поведусь на их уловки дважды.

Чем больше я буду знать, кого опасаться, тем целее буду.

Слева к стволу дерева привалился Фиске. Исак мрачно глядел на меня, будто я была блохой на его коже. Линкс стоял рядом с подтянутым Кривом с золотыми волосами и жуткими розовыми шрамами на руках. Он что-то пил из бутылки и мягко улыбался, но, встретившись со мной взглядом, прищурил глаза.

Пекло, как знакомо он выглядел.

Повелитель теней наклонил голову набок, когда я опустилась на колени в мокрой траве. Он был не из тех, кто стал бы думать дважды, прежде чем свернуть мне шею, так что я сама себя предавала, отмечая мощную линию его новой челюсти и то, как по-странному шла ему эта чернота в глазах.

Он напоминал мальчика, которого я когда-то любила, так что на его лицо стоило смотреть.

Повелитель теней облокотился на колени, прищурил глаза. Я ждала, что он заговорит, но ему, казалось, было достаточно изучать меня, не говоря ни слова.

– Что? – наконец спросила я, когда молчание стало невыносимым.

– Этот твой план уже вовлек нас в битву со скид-гардами.

И что мне на это отвечать? Не то чтобы я намеревалась попасть в кольцо стражников Черного Дворца. Я поборолла желание возразить ему. Гильдия Кривов предупреждала меня о рисках, треклятый Повелитель теней должен бы знать, что там, где дело касается Маск ав Аска, скидгарды будут постоянно мешаться под ногами.

– Ой, давайте про скидов потом поговорим, – хлопнула в ладоши Това. – Познакомим их?

Одной рукой она дернула за предплечье Крива со шрамами. Он слегка отстранился, напряг челюсть, но все равно пошел за ней ко мне.

Повелитель теней пожал плечами.

– Это решение я оставляю Гуннару.

Я посмотрела на набухшие шрамы. Такие оставляет хлыст, сомнений нет. Я видела такие же отметины в городе, на беглых крепостных. Он едва ли был взрослым мужчиной. Не больше семнадцати лет, может, восемнадцать. Я прищурилась, глядя на него, пытаюсь его раскусить.

– Я тебя знаю?

Он ответил не сразу.

– Меня зовут Гуннар Штром.

Раум рассмеялся, тряся Вали за плечи.

– Разоблачения, мой друг. Разоблачения. Еще одно осталось.

– Ш-Штром? – мой голос надломился. Я и правда ведь узнала этого Крива. За исключением пары более суровых черт, он был точной копией Хагена.

– Как мы тебе и говорили, – сказал Повелитель теней, – у твоего брата есть семья. Познакомься с одним из ее членов.

Я моргнула, оцепенело глядя на Гуннара.

– Хаген – твой отец?

– Да, – сказал Гуннар. – Я приехал с севера и стал Кривом, чтобы найти его ради матери и сестры.

– Сестры, – я закрыла глаза. Да будь ты проклят, Хаген. – Почему он никогда о вас не упоминал?

– Я не знаю. Скорее всего, потому, что наша жизнь на севере была непроста и небезопасна.

– Племянник мятежного короля, – прошептала мне Това, одними губами говоря «принц» и тыкая большим пальцем в сторону Гуннара.

Она закрыла глаза и легонько мне кивнула, как будто прояснила все недопонимание.

– У твоего брата есть большие связи, вот и все, что тебе нужно знать, – сказал Повелитель теней. – Нам нужно обсудить другое. Что еще у тебя для нас есть?

– Я не понимаю. – Моя голова все еще пыталась принять лицо моего брата на Криве.

– Ты сказала, что у тебя есть воспоминания. Где они?

Я прочистила горло.

– В корзинке... Я ее выронила.

– Нет, я ее прихватила, – сказала Това. – И пенге, которые ты спрятала в той своей сумке. Я раскрыла рот.

– Они же мои.

Повелитель теней цокнул языком.

– Считай это выплатой за то, что помогли тебе сберечь шею.

Клятые боги. У меня теперь ничего не было. Ни воспоминаний. Ни пенге. Я принадлежала им с потрохами.

– Помните, только я могу сделать их ценными, – поспешила сказать я, – так что даже не думайте перерезать мне горло. Без меня они для вас будут бесполезны.

Повелитель теней посмотрел на меня с намеком на злобное веселье.

– А кто-то умеет заключать сделки. И что в этих воспоминаниях?

Он видел мой месмер, скрывать это теперь смысла не было.

– Последние мысли высокопоставленных людей с Маскарада Аски. В их последних мгновениях множество секретов.

Повелитель теней облокотился о камни.

– Хорошо. Достойная цена за почти невыполнимый план.

– Он и есть невыполнимый, – впервые пробурчал Вали. – Никто не крадет с маскарада. Особенно не альвера. Прости, Гуннар, я понимаю, как это важно, но ты должен знать: такого никогда не делали.

– Никто и сделок не заключает так, чтобы нарочно присоединиться к Повелителю теней в его логове, – настаивала я. – И все же вот она я.

На лице Вали отобразилось что-то среднее между гримасой и оскалом.

Повелитель теней поднялся с камней и встал передо мной. Вблизи поверхность его глаз походила на темный дым. По тому, как он склонил голову, я догадалась, что он решал, как лучше вонзить в меня тот меч, что висел на его поясе.

Как-то раз с Северных утесов спустился пещерный медведь, он убил нескольких наших кобыл и перепугал прислугу до полусмерти. После этого Ансель научил меня встречать дикого зверя со вздернутым подбородком и уверенностью. Повелитель теней был своего рода зверем, так что я поборола желание отвернуться.

– Я заключила законную сделку. Сделку, которую – теперь, когда я знаю, что среди вас находится сын моего брата, – мне, несомненно, незачем было заключать. Вы бы и так продолжили его вытаскивать.

Повелитель теней лишь расплылся в улыбке, словно ему нравилось слушать, как я распутываю его обман и притворство.

– И все равно, – продолжила я, – я ожидаю, что сделка будет выполнена и что я буду ее частью. Или вы не те Кривы, про которых все говорят с таким страхом и почтением?

Его губы дернулись с одного края.

– Будешь выдвигать требования – и мы вырежем тебе язык.

Я ему поверила.

Он подогнул одно колено, вытянул из ножен свой клинок из черной стали и его кончиком приподнял мой подбородок. Я напряглась и стала смотреть вперед, пока его пальцы скользили по изгибу моей шеи и вниз по горлу. Повелитель теней вытянул веревочку, с висящим на ней деревянным вороном.

В течение полувздоха он тер поверхность пальцем, затерявшись где-то в собственных мыслях.

– Украсть что-либо с маскарада невозможно, – сказал он. – Для всех, кроме нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.